

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Акройд — блестящий
рассказчик. Его история
Венеции увлекательна
и невероятно
соблазнительна.

THE GUARDIAN

ПИТЕР АКРОЙД ВЕНЕЦИЯ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД

Питер Акройд Венеция. Прекрасный город

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8972374
Венеция. Прекрасный город: Издательство Ольги Морозовой; Москва; 2012
ISBN 978-5-98695-046-4*

Аннотация

Новая книга Питера Акройда – очередное доказательство того, что биография города не менее, а возможно и более увлекательна, чем биография любой знаменитости. Особенно если новым героем исторического расследования Акройда становится Венеция. Самый загадочный и независимый город Италии, бывшая республика, расположенная на ста восемнадцати островах, город, над которым постоянно висит угроза затопления, Акройд описывает в свойственной ему манере документалиста-романтика. Акройд разбирается в том, почему венецианцы так отличаются от остальных жителей Италии, как получилось, что на постоянно подтопляемых островах появились и сохранились сотни произведений искусства, и когда великая империя купцов и художников превратилась в город Казановы, туристов и резиновых сапог.

Содержание

I		5
	Глава 1	6
	Глава 2	14
	Глава 3	22
II		25
	Глава 4	26
	Глава 5	29
	Глава 6	34
	Глава 7	38
III		41
	Глава 8	42
	Глава 9	48
	Глава 10	53
	Глава 11	56
	Глава 12	63
	Конец ознакомительного фрагмента.	64

Питер Акرويد Венеция Прекрасный город

Peter Ackroyd
Venice Pure City

*This edition published by arrangement with The Susijn Agency Ltd and
Synopsis Literary Agency.*

Copyright © Peter Ackroyd, 2009

© Издательство Ольги Морозовой, 2012

© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2012

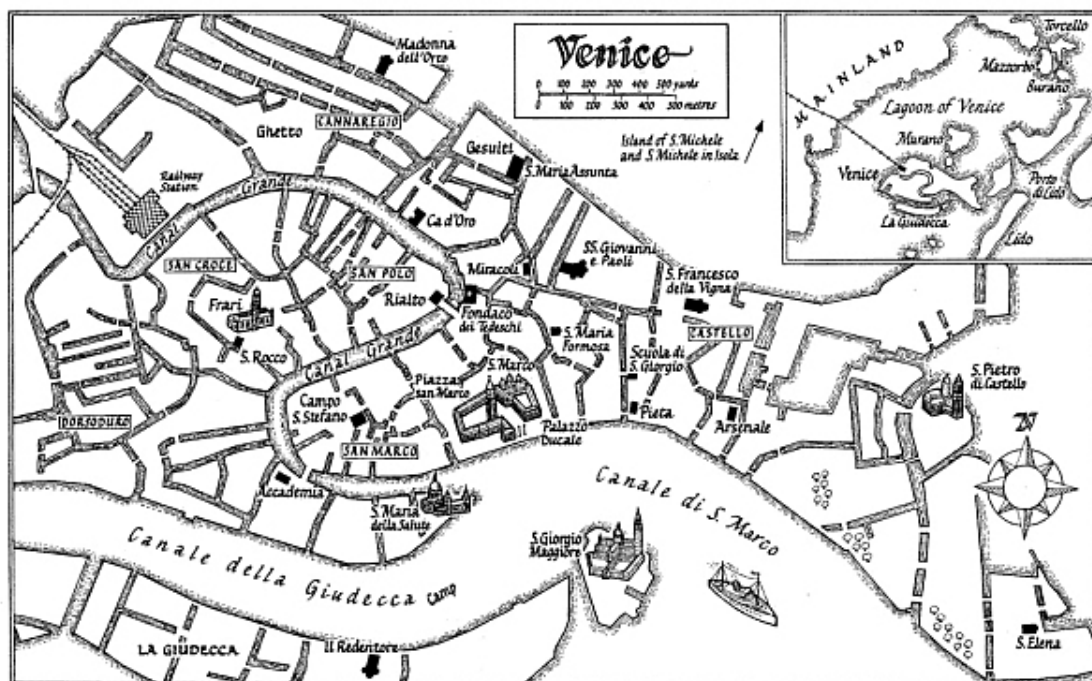
© Н. Кротовская, перевод, 2012

© Г. Шульга, перевод, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

* * *

Посвящается Элисон Сэмьюэл

I

Город на море

Глава 1

Начала

Они добрались до этих отдаленных безлюдных вод. Они приплыли на плоскодонных судах, старательно избегая мелей. Спасаясь от варварских племен с Севера и с Востока, они оставили далеко позади свои города или селения. Так они оказались в диком месте, в широкой неглубокой лагуне, в которой смешивались пресная вода материковых рек и соленая вода Адриатики. При отливе обнажался берег моря, изрезанный ручьями, речками и небольшими проливами; во время прилива были видны наносные островки, покрытые болотной травой. Мелководья поросли камышом и дикими травами, невысоко поднимавшимися над поверхностью. Иногда при отливе показывались обычно затопленные клочки суши. Пустынные болота вода заливала лишь изредка. Эти соленые болота и берег, казалось из отдаления, образуют широкое пространство, испещренное прудами и островками. Топи, до которых не доходил прибой, были так же темны и неприветливы, как воды. Линия поросших сосновыми лесами островов, состоящих из песка и речных наносов, защищала лагуну со стороны моря.

Несмотря на то что лагуна находилась недалеко от некогда важных центров римской цивилизации, она была пустынной и изолированной. Тишину нарушали только крики птиц, рокот морских валов да звук ветра, шелестевшего в камышах. Ночью здесь царила тьма, луна освещала лишь неугомонные волны. Но при дневном свете, когда изгнанники прибыли сюда, море тянулось туманной линией, а покрытое облаками небо будто отражало серебристую рябь воды.

Со всех сторон их заливал свет. Они нашли остров. И голос, подобный шуму многих вод, велел им построить церковь на обретенной земле.

Это одна из историй о началах, которую рассказывали венецианцы.

Лагуна представляла собой нечто неопределенное – не землю и не море. Она простиралась примерно на пятьдесят шесть километров в длину и одиннадцать километров в ширину вдоль берега Северо-Восточной Италии и имела форму полумесяца. Она возникла около шести тысяч лет назад из ила, наносов и мусора, принесенного в Адриатику семью реками. Главные из них – Брента, Силе и Пьяве – несли все это с Альп и Апеннин; в один прекрасный день из крошечных частиц мусора с гор возник каменный город. Болота, топи и заливаемый приливом берег были защищены с моря длинным и узким песчаным барьером, разделенным на острова несколькими проливами; самый длинный из этих островов ныне известен как Лидо. Проливы проделали в барьере *porti* (выходы), через которые море устремляется в лагуну. Сейчас существуют три *porti* – в Лидо, Маламокко и Кьодже. Проливы вдыхают в Венецию жизнь.

Это всегда разное, нестабильное место – частично ил, частично песок, частично глина; всегда зыбкое и движущееся, оно меняется под воздействием приливов. Вот почему внешний вид лагуны меняется. Существует теория относительно того, что в VI–VII веках лагуна представляла собой по сути болото, во время прилива покрытое водой. В XIX веке, по словам Джона Рёскина, во время отлива иногда казалось, что Венеция покоится на просторной равнине темно-зеленых водорослей. Лагуна превратилась бы в сушу пятьсот лет назад, если бы не вмешательство венецианцев. Лагуна сейчас – просто другая часть Венеции, другая часть города, ни суша, ни море. Но Венеция потихоньку возвращается в море. Вода становится все глубже и солонее. Это опасное место. Святой Христофор, переносивший младенца Христа через реку, был когда-то одним из самых почитаемых святых города.

В лагуне всегда кто-то жил, ведь и дикие места бывают изобильными. С самых ранних времен здесь были небольшие зоны обитания людей – рыбаков и охотников, привлеченных

пернатой дичью, дарами моря, в частности осенним движением рыб из рек в море. Болота служили природным источником для сбора соли. А она была ценным продуктом. Венецианцы всегда славились умением торговать, но торговая активность на этой земле началась даже прежде, чем сюда прибыли их предки.

Следы древних племен теряются в доисторическом мраке. Но первые опознаваемые предки венецианцев заселяли регион, окружающий лагуну, с VIII века до н. э. Это были люди, жившие в северо-восточной части Италии и вдоль берегов современной Словении и Хорватии. Они были известны как венеты; Гомер называет их *Enetoi*, потому что в греческом не было звука *v*. Они были главным образом купцами, какими станут и венецианцы, торговали янтарем и воском, медом и сыром. Они устраивали большие рынки, как те, что в конце концов создадут венецианцы. Они торговали с Грецией, как впоследствии Венеция – с Византией и Востоком. Они добывали соль в прибрежных районах, в какой-то мере предвосхищая монополию венецианцев на производство этого продукта.

Они одевались в черное, этот цвет станет отличительным в одежде венецианских аристократов. Племенным героем венетов был Геркулес, он стал легендарным защитником Венеции. Он – полубог, который трудами добился того, на что другие претендовали по праву. Венеты возводили свою родословную к Антенору, который вывел их из разрушенной Трои. Они были известны мореходным искусством. В брачных и семейных делах они подчинялись авторитету государства. Эти люди населяли города Падую, Альтино, Аквилею и Градо.

До бегства венеты были романизованы. Ко II веку н. э. они заключили договор с римскими властями. Во времена Августа регион лагуны был частью Десятого округа Италии и в IV веке стал частью Восточной Римской империи, Византийской империи. Лагуна уже была частично заселена. На одном из островов, Сан-Франческо дель Дезерто, найдены руины римского порта с керамикой I века и стенная штукатурка III века.

Порт, несомненно, использовался кораблями, совершавшими рейсы между Аквилеей и Равенной, привозившими зерно из Паннонии и товары и продовольствие с более дальних берегов. Там были найдены амфоры для перевозки вина и оливкового масла из Восточного Средиземноморья. Большие корабли причаливали к острову, доставленные ими товары затем переправлялись на меньших кораблях на отмели лагуны. Поэтому здесь должны были быть местные лоцманы, проводившие груз по мелкой воде. Под четвертым нефом базилики Санта-Марии дель Ассунты на острове Торчелло был обнаружен проход, относящийся ко II веку н. э. На большой глубине на острове Сан-Джорджо Маджоре найдены римские развалины, а на меньших островах обнаружен археологический материал I и II веков. Находки на других островах могут быть отнесены к IV–VII векам. Существует предположение, что внешние острова лагуны могли использоваться как стоянка римского флота; возможно, там сооружали виллы.

Но, когда изгнанников с материка становилось все больше, в природе лагуны произошли кардинальные изменения. Это не был массовый исход, скорее следующие одна за другой волны миграции, достигшие наивысшей точки в конце VI века. Тогда венеты бежали от захватчиков. В 403 году Аларих, вождь вестготов, напал на провинцию Венеция; по словам римского историка Клавдиана, «разнеслась молва о походе варваров и наполнила эту землю ужасом». Аквилея и Верона пали, множество их жителей в поисках безопасности уехали на острова. Когда угроза миновала, многие вернулись домой. Но часть осталась строить новую жизнь в лагуне. В 446 году Атила захватил римские провинции от Дуная до Балкан, а затем, шесть лет спустя, взял Аквилею. Альтино и Падую тоже были разграблены. От этих бедствий беглецы снова спасались в лагуне.

Они перемещались по определенной схеме. К примеру, жители Альтино переселялись на Торчелло и Бурано, а горожане из Тревизо бежали на Риальто и Маламокко. Падуюнцы уплывали на Кьоджу. Жители Аквилеи переселялись в защищенный болотами Градо. При-

езжали со своими ремесленниками и строителями, с крестьянами и поденщиками, с патрициями и плебеями; привозили священные сосуды из своих церквей и даже камни своих общественных зданий, чтобы их можно было построить заново.

Но как могли строить на такой ненадежной земле? Как могли строить на тине и воде? Это становилось возможно, потому что в ил забивали деревянные сваи от трех до трех с половиной метров высотой, пока они не достигали слоя более твердой глины и плотного песка, подходивших в качестве основания. Это была «граница» на дне лагуны. Так возникли бревенчатые *casoni* (маленькие дома) с камышовыми покатыми крышами.

На краю лагуны основали новые города – Гераклею и Эквилио (Езоло). На островах образовывались деревенские общины, главы которых держали совет с собранием жителей.

Венеты воздвигали укрепленные лагеря на случай, если гунны или готы решат двинуться на них.

Островитяне были неуживчивы и соперничали друг с другом; в лагунах не было единства. И вот, в 466 году в Градо, двадцать лет спустя после появления Атиллы, состоялось собрание венетов лагуны. Было решено, что каждый остров будет представлен трибуном и что трибуны будут работать вместе для общего блага. Ведь они сталкивались с одними и теми же опасностями и трудностями – не в последнюю очередь, с набегами моря. Это было первое проявление публичного и общинного духа, который впоследствии ясно проявится в Венеции.

К VI веку присутствие венетов в этом регионе стало определяющим. Им платили за перевоз людей и товаров между портами и гаванями материка. Они переправляли византийских солдат из Градо до реки Бренты. Отвозили чиновников и купцов в Византию. Уже тогда они были известны мореходным искусством. Их суда поднимались по рекам Северной Италии, по пути торгуя солью и рыбой в городах и деревнях.

Первое описание этих островных жителей встречается в письме, отправленном в 523 году их трибунам от легата Остготского королевства, господствовавшего в то время в Северной Италии. Кассиодор просил их перевезти водным путем в Равенну вино и растительное масло. «Ибо живете вы подобно птицам морским, – писал он, – и дома ваши на водной глади подобны Кикладам. Лишь ивы и плетни не позволяют распасться земле, на которой они стоят; и все же вы дерзаете противопоставить непрочный этот оплот бурному морю. У вашего народа есть огромное богатство – рыба, которой с избытком хватает на всех. Вы не различаете богатых и бедных; пища у всех одинакова, дома похожи». Он был не совсем точен в описании, дома иногда уже строились из камня и кирпича с материка. Дошедшие до нас данные свидетельствуют и о том, что даже на ранней стадии освоения лагуны там были и богатые, и бедные семьи.

Кассиодор замечает: «Все силы свои вы тратите на добычу соли, и именно в ней таится секрет вашего процветания». В этом он, безусловно, прав. Он добавляет значимую деталь: суда, «которые вы, словно лошадей, привязываете к порогу своего дома». По счастливой случайности одно из таких судов извлечено из ила лагуны. Шпангоут частично сделан из дуба, а корпус из липы, судно было найдено на острове Сан-Франческо дель Дезерто; судно датируется V веком. Оно лежало на уровне, который в тот период находился под водой, за исключением времени отлива.

Но Венеция как таковая еще не родилась. Ее нет на карте IV века, на ней лагуна изображена как ненаселенный морской район. Венецианские историки, однако, утверждают, что город был основан в полдень 25 марта 421 года бедным рыбаком Джованни Боно, или Джованни Добрым. У этой теории есть преимущества, так как она сближает три даты – день весеннего равноденствия, Благовещение и предполагаемую дату основания Рима. Тройное совпадение, так же как и своевременное появление Джованни Боно, слишком хорошо, чтобы быть правдой, но это часть необычайной способности венецианцев вытеснять историю

мифом. Поэт Райнер Мария Рильке, посетив город в 1920 году, сказал: «Так же, как человек не может ничего схватить в зеркале, но только погружается в тайну его неуловимости, здесь тебя целый день наполняют образы, но ты не можешь воплотить ни один из них. Венеция – это вопрос веры».

На самом деле Венеция возникла век спустя, в конце 560-х – начале 570-х годов, после ряда вторжений ломбардцев. Еще раз провинция Венеция была побеждена чужими племенами. Однако в отличие от гуннов они не собирались уезжать с награбленным. Они хотели остаться здесь. Они заняли область, которая сейчас называется Ломбардией. Их вторжение вызвало массовый исход венетов. Епископ Аквилеи перенес свой престол в Градо, на край лагуны. Епископ Падуи переместился на Маламокко, а епископ Одерцо уплыл в Гераклею. Эти люди были как светскими, так и религиозными лидерами, чтобы создавать новые общины на воде, им были нужны и граждане, и прихожане. Бурано и Мурано, Аммиана и Констанциака застраивались быстро. Правда, Аммиана и Констанциака исчезли в волнах в XIII веке, поглощенные главным врагом островитян, которые без устали сражались с морем.

Венеция родилась в процессе этого бегства от ломбардцев. Согласно последним археологическим исследованиям первые признаки человеческого обитания датируются второй половиной VI века – VII веком; эти находки обнаружились неподалеку от Кастелло, к востоку от города, и под площадью Святого Марка. Это также свидетельство того, что в те давние годы сперва поднимали уровень поверхности земли и осушали почву. Чтобы противостоять морю, поселенцы ограждали землю скрепленными между собою деревянными столбами, отводили воду, клали булыжник, или осадочные породы, или песок с дюн. Это и было начало города.

Изгнанники выбрали группу островов на середине лагуны под общим названием Ривоальто, или Высокий берег, которая в конце концов превратилась в Риальто, замечательную рыночную площадь и торговый центр города. По островам текли ручьи и потоки, но была и большая река, приток Бренцы – Ривоальтус, который со временем превратился в Большой канал, и еще два мощных холма или острова – их определение зависит только от того, как вы рассматриваете природу территории, – обращенные друг к другу по течению этой реки. Вот там и возникла Венеция. Это была земля, на которой изгнанники могли строить.

Работа была нелегкой. Есть свидетельства о катастрофических затоплениях в 589 году во всем этом районе, настолько сильных, что течение некоторых рек повернуло вспять. Бедствие изменило водную структуру лагуны, но его воздействие на возникновение Венеции невозможно проследить.

Венеция не сразу стала самым значительным городом лагуны. В Градо находился Патриарх, Торчелло был большим торговым центром, или рынком этого региона. Герцог переехал из Эраклеи на Маламокко. В тот период, когда Венеция только строилась, в других городах уже существовали здания сложной архитектуры. На Торчелло строилась базилика Санта-Марии дель Ассунты. Надпись, датированная 639 годом, подтверждает, что этот собор воздвигнут в контексте византийской традиции и богослужения.

Связь с Византией знаменательна. Историографы Венеции настаивают на том, что с самого начала венецианцы отстаивали независимость. Существует легенда об их предводителях, которые сказали византийскому послу: «Сам Бог охранял нас, так что мы могли жить на этих мокрых болотах, в хижинах из бревен и прутьев. Поэтому воздвигнутая нами в лагуне новая Венеция стала нашим могущественным городом». Их не могли тронуть ни короли, ни князья, «если они не приплывают по морю», в чем и кроется сила венецианцев. Это чистейшее мифотворчество. Вначале венецианцы были зависимы. Даже в языке древних венецианцев заметна примесь греческого, и не далее как в прошлом веке в диалекте жителей острова Бурано сохранялись греко-римские элементы.

Существуют разногласия относительно даты, когда *dux* (военачальник лагуны, предводитель) был назначен византийцами: по всей вероятности, это произошло в начале VIII века. Венецианцы придерживались мнения, что он был избран островитянами, но нет сомнений в том, что этот герцог, или дож, находился в подчинении у византийского императора. Назначение военачальника само по себе не принесло согласия в лагуну; ранние века были полны кровопролитных схваток между островами или отдельными семьями; существуют сообщения о гражданской войне, длившейся в течение VIII века, о битвах в лесах, окружающих лагуну, о дожах, которых ослепляли, либо убивали, либо отправляли в изгнание. Однако это политическое устройство пережило начальный кризис; дожи правили в Венеции более тысячи лет, сто двадцать дождей в непрерывной последовательности.

Венеция состоит из ста восемнадцати островов, которые в результате упорного труда были соединены. Поначалу существовали разрозненные островные церковные приходы, одни из них управлялись монастырями, другие – маленькими общинами, к примеру, рыбаков или солеваров. Были общины кораблестроителей. Эти общины группировались вокруг церкви и *campanile* (колокольни); зеленая лужайка, или пространство перед церковью, была и до сих пор известна как *campo* (поле, площадь). На *campo* находился колодец или водоем с пресной водой, наполнявшийся частыми дождями. Дома были, как правило, деревянные, с камышовыми крышами, хотя жилища видных горожан уже строили из кирпича и крыли черепицей. Некоторыми островами управляли бежавшие с материка влиятельные семьи, которые взяли с собой слуг, чтобы возделывать сады и виноградники; семейства Орио и Градениго, к примеру, контролировали остров Сан-Джованни ди Риальто. У каждого острова был святой покровитель.

Островные приходы отделялись один от другого болотом или водой, но для связи между ними были установлены водные пути.

Уже существовал образец жилища, постепенно становящегося все более определенным и разработанным.

Очередное вторжение способствовало объединению. В 810 году Пипин, сын Карла Великого, привел войска в лагуну, чтобы заявить на нее права Империи франков. Он попытался штурмовать усадьбу дожа на Маламокко. Дож бежал на острова Ривоальто за защитой. Говорят, что Пипин пустился в погоню, но его флот завяз в болотах, ему помешала убывающая с отливом вода; что он соорудил плоты из бревен, а венецианские моряки их разрушили; что одна местная старушка направила их через опасные мели с древним венецианским наказом: *sempre diritto* (прямо, никуда не сворачивая). Здесь безошибочно просматривается намек на армию фараона, которую поглотило Красное море, аналогия, на которой в будущем сосредоточат внимание венецианские художники. Каковы бы ни были истинные обстоятельства поражения, Пипин был вынужден отказаться от своей миссии.

Таким образом, место, куда бежал дож – Венеция, – доказало, что оно безопасно. Укрытое среди болот, оно было неприкосновенно. С моря его защищали острова, а от материка отделяла вода.

После этого вторжения франков местопребыванием дожа стала Венеция. Она сделалась центром лагуны. Город начал свою большую карьеру.

Он процветал в уединении. В договоре 814 года было достигнуто согласие относительно того, что Венеция останется провинцией под управлением Византии, но что она будет также платить ежегодную дань королю франков, чей трон в то время находился в Италии. Это может показаться двойными обязательствами, но на деле договор освободил Венецию от безраздельного господства чужаков. Теперь она находилась между франками и византийцами, между Западом и Востоком, между католичеством и православием; срединное положение Венеции позволяло ей следовать изменчивым курсом, иногда склоняясь в одну сто-

рону, иногда – в другую. Это также провоцировало множество разногласий среди правящих семейств лагуны, зависимых от разных партий на материке и в Восточной империи и преданных им.

Тем не менее положение Венеции эффективно обеспечивало ее независимость. Одна из статей договора 814 года разрешала венецианским купеческим судам свободно заходить в порты Италии и покидать их. Иными словами – венецианцы могли торговать. Могли перемещаться между Востоком и Западом. Венеция стала по преимуществу городом купцов.

Она быстро росла. Множество обитателей лагуны вскоре переселились на островки вокруг Ривоальто. К концу IX века существовало около тридцати островных приходов, ближе к 1000 году их стало более пятидесяти; результат пожара в 976 году, когда сгорели и пострадали триста домов, свидетельствует о том, что место было густо заселено. Церковные приходы, сгруппированные вокруг Ривоальто, теперь были соединены мостами или каналами. Крепостные валы были воздвигнуты, болота осушены, сточные канавы проложены, топи распаханы, земли удобрены. Несколько главных улиц, уцелевших до сих пор, были распланированы, тротуары замощены. Были сооружены пристани, одни из них были общественными, а другие – частными. Возведенные дамбы мешали речным наносам попадать в лагуну. Было налажено паромное сообщение. Венеция превратилась в поселившееся на иле и воде характерное для города скопление людей, напряженное и мощное. Город возник в результате огромного индивидуального и общинного усилия, вызванного необходимостью и практичностью. Там всегда присутствовала цель общинного существования: желание возделывать или удобрить почву, отвоевать воду, объединить и защитить общественную землю.

Венеция в IX и X веках была средневековым городом, в котором свиньи бродили по улицам, а пастбища и сады чередовались с домами и церквями. Здесь были районы с названиями На Болоте, или В Зарослях, или В Водорослях. Горожане ездили верхом по главной улице, *Merceria* (потом она станет торговой улицей), привязывали лошадей к большим старым деревьям, которые росли там, где теперь площадь Сан-Марко (или просто *piazza* – площадь). Плоские деревянные мосты без ступенек соединяли острова. По берегам каналов росли деревья. На окружающих островах раскинулись луга, где паслись стада крупного рогатого скота и овец; там были виноградники и фруктовые сады, пруды и маленькие озера. На центральных островах, которые постепенно соединяли, были дворики и *calli* (узкие улочки), определившие неповторимую схему Венеции. Перед каменными домами и даже перед более бедными – деревянными с камышовыми крышами, были небольшие участки земли, которые впоследствии превратились в идущие вдоль каналов, *fondamenta* (своего рода тротуары и набережные) зрелого города.

К концу первой четверти IX века пространство вокруг того, что сейчас представляет собой площадь Святого Марка, сложилось. Там стоял Дворец дождей с большой герцогской церковью, посвященной византийскому Святому Теодору. Самые влиятельные семьи тоже строили себе здесь дома, чтобы быть ближе к средоточию власти. В результате расчистили поля, уступившие место *piazza*, большой пруд с рыбой засыпали – образовалась *piazzetta*, небольшая площадь перед Дворцом дождей. Эта дуополия сакральной и светской власти держалась здесь более тысячи лет.

Вплоть до XIII века город не назывался Венецией. Этот регион лагуны был известен как Венето или *Venetia*. Латинское название Венеции всегда было *Venetiae*, таким образом, отмечено ее начало как объединение островов или городов. Существует девятнадцать различных названий, от *Venegia* до *Venexia*, что подтверждает множественную идентичность города. Название Венеция, *Venice*, можно интерпретировать также как слово-гибрид, в котором содержатся *Venus* и *ice* (лед).

У Венеции нет единственного или определенного начала. Города итальянского материка были основаны в доисторическую эпоху, их территория очерчивалась их кладбищами и была защищена стеной. Они росли естественным образом из традиционного центра к разрастающимся окраинам. Почитание города связано с почитанием места и почитанием умерших, преданных там земле. Самые ранние города первобытны по происхождению. У Венеции с самого начала не было периметра. Не было очертания. Она слилась в одно целое из сотни различных пунктов. Венеция в буквальном смысле не имеет корней. У нее действительно текучее основание. Она ненадежно расположена в мире. Вот почему она всегда вызывала тревогу, как у сегодняшней группы британских архитекторов «Венеция в опасности».

Венеция стремилась определить себя. Пыталась найти свои начала. Чувствовала себя обязанной открыть скрытое или обнаружить отсутствующее начало. Макиавелли писал, что «начала религий, республик или королевств должны обладать некоей добродетелью, благодаря которой они заслуживают свою начальную репутацию и начальное развитие». Эта проблема стояла перед венецианцами.

В этом смысле они не обладали добродетелью. Поэтому придумывали истории о происхождении, в каждой из которых был в какой-то мере явлен Божий промысел – к примеру, якобы исторический факт, что венецианцы были христианскими беглецами, спасавшимися от вторжения язычников. На полу собора Санта-Мария делла Салюте вырезана надпись: *Unde origo inde salus* (Откуда (Венеция) произошла, оттуда пришло спасение). Так создавались изящные и сложные легенды о возникновении города. Их не следует отвергать. Легенды представляют собой самую раннюю форму поэзии. Венеция – город легенд, в частности, религиозных потому что она всегда была городом чудес.

Жители Альтино колебались, куда бежать от язычников, пока не услышали голос с небес, провозглашающий: «Поднимитесь на башню и взгляните на звезды». Взявшись за башню, они увидели, что отражение звезд в воде показывает дорогу к островам лагуны. В другом варианте этой истории жителям довелось видеть, как все птицы этих мест, держа птенцов в клювах, летят к островам. Голос из светлого облака, вызывающий к беглецам, плывущим на кораблях, был слышен в начале этой главы. Восемь самых ранних церквей Венеции были возведены по Божественному повелению. Святому Магнусу в видении было велено построить церковь там, где он увидит стадо овец, этим местом оказалось Кастелло. Дева Мария появлялась в сияющем облаке, возвещая возведение церкви Санта-Мария Формоза. Большая стая птиц выбрала место для церкви Сан-Рафаэль. Красное облако парило там, где затем была построена церковь Сан-Сальваторе у моста Риальто. Существовали и другие, более мирские легенды относительно того, что предками венецианцев были римляне или даже троянцы, но к ним тоже можно относиться скептически. Эти легенды, как и сама Венеция, не имеют оснований.

Город был построен на воде по небесному повелению. Само по себе чудо – строить на море. И Венеция стала городом чудес. Это было предназначенное, ниспосланное Провидением место. В венецианских хрониках возникает великий, сияющий образ города. Венеция стала частью истории человеческого спасения. Ее Божественное происхождение подтверждается ее совершенной архитектурой, видимой миру тысячу лет, и даже ее торговым превосходством. На полотнах венецианских художников Бог-Отец и Святой Дух распоряжаются на площади Святого Марка. На мосту Риальто вырезаны фигуры архангела Гавриила и Девы Марии в момент Благовещения. Венеция идеализирована, невзирая на любые исторические факты или бесславные эпизоды.

Но настоящие начала Венеции, редкие и разбросанные, сообщают великую истину об этом городе. Они обнаруживают некоторые характеристики, или некоторые качества жизни здесь. Все сущее хочет дать форму и выражение собственной натуре; таким образом, через смутные предчувствия и слияние общественных желаний Венеция обрела форму. В мраморе

таится статуя. У венецианцев не было собственной культивируемой земли, они были вынуждены зарабатывать на жизнь торговлей и промышленностью. Город, который представлял собой наполовину землю, а наполовину воду, разработал свое смешанное устройство, в котором были уравновешены различные силы государства. Постоянной заботой всех районов общины были стабильность и преемственность. Где эти качества более необходимы, чем в изменчивом и непостоянном месте? Город, построенный изгнанниками, спустя столетия стал домом для беженцев всех мастей. Его заморские владения, его набеги на материковую Италию были обусловлены необходимостью самосохранения. Венеция всегда полагала себя городом под угрозой. Этот город возник не из союза крестьян, он был городом изначально. Венеция не была в своем младенчестве феодальным обществом. К X веку она уже была известна как *la civitas Rivoalti* (город Ривоальто).

Однако важнейшим и продолжительнейшим фактором была борьба с морем. Из нее возникла необходимость общей цели и общественных усилий. Здесь не существовало антагонизма между индивидуальным и коллективным, или скорее отдельные венецианцы в течение веков включили себя в единый организм, который, как и человеческий организм, следует рассматривать как целое. Он повинуетя собственным законам роста и перемен. Он обладает внутренним динамизмом. Он является чем-то большим, чем сумма его частей. Каждый аспект венецианской культуры и венецианского общества отражает целое.

Начиная с IX века в Венеции назначались трое представителей, чтобы осуществлять надзор за защитой и мелиорацией земли. В конце концов возникла бюрократия для контроля над вторжением моря. С самого начала Венеция подвергалась вторжению моря. Самая древняя защита состояла в скрепленных между собою деревянных столбах; позднее реки отводили в другое русло, а в качестве защиты от воды возводили мощные каменные стены.

Без сотрудничества соседа с соседом или общины с общиной нельзя было ни осушить землю, ни присоединить остров. Дамбы нельзя было построить, если община не руководствовалась общими интересами. Таким образом, венецианцами с самого начала владела мысль об общинной жизни. Они создали первый общественный дворец и первый городской сквер в Италии. Венеция, возможно, была первым городом в Европе, который извлек выгоду из того, что называлось градостроительством, с продуманным зонированием промышленной и хозяйственной деятельности по периферии города. Все это было частью поисков общего блага. Борьба против природных препятствий есть борьба за человеческую культуру и усовершенствование. Она требует огромной сплоченности и социальной дисциплины, которые лучше всего поддерживаются соблюдением религиозной обрядности. Так возникает концепция государства как Божественного замысла.

Но мы не должны забывать о характере и темпераменте ранних поселенцев. Их работа была тяжелой и непрерывной и не могла осуществляться без большой затраты энергии и оптимизма. Таковы, или такими были, отличительные качества жителей Венеции. Они гордятся, или гордились, своим городом. Это одна из черт, подмеченных путешественниками. Но природа иногда мстит тем, кто пытается обуздать ее. Часть островов лагуны поглотило подступившее море, поселения исчезли или были оставлены. Венецианцы никогда не забывали об угрозе бедствия.

Глава 2

Вода, вода кругом

До постройки железнодорожного моста в середине XIX века Венеция была маленьким островом или группой островов. Венецианцы были островитянами, со всеми преимуществами и тяготами, которые приносит этот статус. Быть островитянином – значит быть независимым, но это же означает быть одиноким. Это обеспечивает безопасность, но в то же время привлекает внимание жителей материка. Это увеличивает уязвимость даже при кажущихся благоприятными внешних обстоятельствах. Однако в качестве островного города Венеция пережила все войны и вторжения, обрушивавшиеся на Италию начиная с XI века; она с успехом сопротивлялась Папе и императору, вторжениям французов и испанцев и набегам других городов-государств Италии. Не будь она окружена водой, ее разрушили бы много столетий назад.

Но эта отдельность от материка, от Италии и мира, нанесла городу тяжелый ущерб. Хотя Венеция была частью Италии с 1866 года, Италия по большей части игнорировала ее. Венецию так или иначе считали чуждой. Итальянцы в действительности вообще не думали о Венеции, она принадлежала какому-то другому миру – не то фантазий, не то притворства.

В венецианцах же традиция свободы и отсутствие страха перед вторжением породили некую беззаботность. Возможно, остров гарантировал горожанам их самодостаточность, но и поощрял некое замкнутое на себя или определяемое только самим собой отношение к остальному миру. До сих пор в Венеции легко стать безразличным к тому, что случается где-либо еще. Венецианцы не слишком интересовались чужими делами. Из-за удаленности и изоляции иногда возникает меланхолия. Венеция – больше не остров, но островной темперамент сохранился.

И, конечно, островитяне должны всегда наблюдать за морем. Это их контекст. Их горизонт. Где бы они были без моря? Город покоится на наносах на дне моря. Он такая же часть моря, как приливы или волны. Море между деревянными сваями, на которых он стоит. Море под ним. Венецианской атмосфере изначально присуще что-то тревожное. Соль в воздухе, туманная от испарений атмосфера. Дымка легко превращается в морской туман. Воздух, кажется, плавится над домами. Соль и сырость оставляют серебристые следы на беленых стенах, делая их похожими на перламутровые. Летящие над городом птицы – морские чайки. А рядом в каналах плавают морские водоросли.

Таковы образы моря в Венеции. Пол базилики Святого Марка слегка волнистый, словно прихожане бредут по волнам. Мраморные плиты, которыми выложена центральная крестообразная часть этого собора в XVI веке, были известны как *il mare* (море). Мраморные колонны собора с прожилками, струйчатые, будто волны. В других церквах города можно отметить популярность «капителей с дельфинами» и мотив ракушки. Джон Рёскин описывает внушительные дома вдоль Большого канала как «морские дворцы». На картах Венеции, в частности XVII и XVIII веков, очертания города напоминают рыбу или дельфина. Острова и песчаные отмели, на которых была построена Венеция, казались первым поселенцам *dorsi* (спинами) спящих китов; один из районов Венеции до сих пор называется Дорсодуро (Крепкая спина). Наверху одной из двух царящих над *piazzetta* колонн Святой Теодор стоит на спине крокодила. На капителях во Дворце дождей изображены крабы и дельфины. Кажется, никто не удивился бы, увидев левиафана, или тех, кого Герман Мелвилл в «Моби Дике» (1851) называет «странными тенями обитателей первозданных времен», всплывающих в период *acqua alta* (время высокой воды, прилива) на площадь Святого Марка, или плывущего в Большом канале огромного полипа или медузу. Это город моря.

Первое впечатление о Венеции тоже морское. Гете увидел море первый раз в жизни, когда приехал в этот город осенью 1786 года; он бросил взгляд на Адриатику из сводчатого окна колокольни на площади Святого Марка. Рёскин прибыл в Венецию лет на пятьдесят пять позже. В автобиографии он пишет, что «прежде всего увидел нос гондолы, просунувшийся в дверь отеля „Даниэли“ во время прилива, а вода у подножия лестницы была два фута глубиной». Увидеть волны Адриатического моря, плещущие в городе, увидеть, как море меняет природу каменных зданий, стоящих вокруг, – это просто волшебство. Луна правит Венецией. Город построен на океанских раковинах и океанском грунте, в нем видна вечность. Он – плывущий мир.

Море воплощает все изменчивое, непостоянное, случайное. Оно – беспокойная и своевольная стихия. Оно возникает в бесконечных вариациях цветов и узоров на поверхности. Картины Тициана и Тинторетто показывают нам «море» света, в котором любая форма изменчива и неопределенна; венецианская школа живописи славится не столько формой или очертанием, сколько текучестью цвета, мазками краски, обладающими собственным весом и объемом. Все находится в движении. Как в венецианской живописи, так и в скульптуре чувствуется влияние моря. Мозаики по преимуществу изображают библейские легенды о море. Скажем, в базилике Святого Марка можно обнаружить «Чудесный улов рыбы», «Хожение по водам» и «Укрощение бури». Есть церкви, которые, кажется, могли бы подняться прямо из царства Нептуна. В барочном интерьере церкви Джезуити, или Санта-Марии дель Ассунты каскады серого, зеленого и белого мрамора имитируют драпировки. Но они больше напоминают волны, волны, которые катятся и падают вниз по стенам церкви, пока не застывают в момент тишины и спокойствия. Когда лучи солнца пронизывают морской мрак интерьера, кажется, что пол зеленого мрамора мог бы служить украшением какой-нибудь подводной пещеры.

Подступающее море меняет восприятие сооружений вдоль венецианских каналов, где здания выглядят изящнее и тоньше. Фасады церквей над поверхностью воды волнообразны, невесомы и изменчивы, словно раковины на дне водоема. Архитектура Венеции в основном горизонтальна, подобно морю. С расстояния, через лагуну, город кажется плоским, протянувшимся вдоль линии горизонта. Он постоянно в движении. Он скорее барочный и маньеристский, чем классический; он мерцает, будто на него смотришь сквозь воду, он изукрашен, словно коралловый риф.

Венецианские ремесленники славились работами по атласу, а блеск и мерцание ткани определили ее название – «мокрый шелк». Работать с шелком называлось в Венеции *dar'onda all'amuer* (создавать волны на море). Существует особый вид венецианского ризотто, более жидкого, чем где бы то ни было, которое известно как *all'onda* (с волнами). Губка, найденная в Эгейском море, называется *enetikos* (венецианская). В последнее столетие в туристских лавочках в Венеции можно купить небольшие украшения, сделанные из раковин жемчужниц, найденных на Лидо, известных как *fiori di mare* (цветы моря). Это единственные местные растения в Венеции.

Существуют и другие глубокие взаимосвязи между местом и духом. Венецианское общество описывается как неустойчивое и непрерывно меняющееся. О венецианской политике сэр Генри Уоттон, английский посол в Венеции в начале XVII века, говорил, что она «неустойчива, как стихия, из которой возник этот город». Вот в чем причина того, почему венецианские историографы настойчиво подчеркивают целостность и стабильность своего общества. Они всегда осознают движение и неутомимость моря в венецианском государстве. В сердце Серениссимы (*La Serenissima*, Светлейшая, Сиятельнейшая – таково торжественное название Венецианской республики) таился ужас перед быстротечностью, как в венецианском моряке жил страх перед морем. Венецианская поэтесса XVI века Вероника

Франко писала: «Само море томится по этому городу». Это прекрасно, пока море не подходит слишком близко.

Утверждают также, что характер венецианских жителей подобен приливу: шесть часов подъем и шесть часов падение, как говорит пословица. И правда, венецианцы часто характеризуют себя посредством идиомы: *andara alla deriva*, ее можно перевести так: плыть по течению. Изменчивость и легкость венецианского темперамента хорошо известны. У венецианцев множество песен и поговорок о море. К примеру: *coltivar el mare elasser star la terra* (возделывать море и оставить в покое землю). Одно время существовало множество популярных песен, начинавшихся фразой *in mezzo al mar* (посреди моря). Посреди моря – что там? Неведомое. Страшное. Посреди моря, если верить песням, возникают странные предчувствия и пугающие видения. Из волн высовывается дымящаяся труба. Здесь же витает образ умершей возлюбленной. В песнях не воспеваются ни очарование, ни горечь моря, скорее это перечисление опасностей и неожиданностей, исходящих оттуда.

В венецианском фольклоре множество легенд и суеверий, связанных с морем. Меняющийся город, который находится между морем и землей, становится прибежищем для пороговых фантазий относительно смерти и возрождения. По свидетельству английского путешественника конца XVI века Файнса Моррисона, в Венеции есть статуя Девы Марии, которой обязательно салютуют проходящие мимо корабли. Восковые свечи вокруг статуи всегда горят в благодарность Деве Марии за то, что она спасает жизни в море. Говорят, что острый нос венецианской гондолы воспроизводит сверкающий клинок святого-воина Теодора. При приближении шторма венецианские моряки вытаскивали из ножен шпаги и клали их крест-накрест.

Море – символ непостоянства. Все появляется из воды и растворяется в ней. Она поглощает все. Не существует свидетельств о том, что венецианцы действительно любили море. Оно, по сути, было их врагом. Байрон говорил, что венецианцы не умеют плавать и одержимы страхом «перед глубокой или даже мелкой водой». Венецианцы всегда гордились тем, что господствуют над морем, но это господство было условным и довольно робким. Постоянно присутствовал страх перед наводнением. Разумеется, море было путем к богатству, но успехи в торговле зависели от милости стихии.

Море воплощало зло и хаос. Оно было жестоким и сеющим распри. Ужас перед полным затоплением тоже был частью дурных предчувствий относительно Божественного гнева. Поэтому существовали церемонии, предназначенные для того, чтобы умиловить бога или богов воды. Они могли быть номинально посвящены христианскому Богу, но в венецианском государстве всегда оставался благоговейный страх более ранних верований.

Город охраняют воды. Во Дворце дождей место для *Magistrato alle Acque* (Магистрата по водным делам, или Властителя вод) украшает надпись: «Город Венеция благодаря Божественному промыслу был воздвигнут на воде, окружен водой, и крепостные стены его – вода. Таким образом, кто бы ни осмелился каким-либо образом нанести вред этим водам, должен быть осужден как враг страны...» Надпись заканчивается утверждением, что «этот закон считается вечным».

Каждую весну, в праздник Вознесения, совершался ритуал, ставший известным как бракосочетание с морем, супругом был дож Венеции, который брал в жены эти бурные воды. После мессы в соборе Святого Марка дож и его свита плыли на *Bucintoro* (церемониальной галере дожа) в сопровождении знати и глав гильдий города. Дождь останавливался у той части Лидо, где воды Адриатики смешиваются с водами лагуны. Патриарх Венеции выливал большую бутылку святой воды в смешивающиеся течения. Воды земли и воды духа становились нераздельны. *Bucintoro* описана Гете как «истинная дароносица», – вместилище, где хранятся Святые Дары. Так корабль становится несущим благословение святым Граалем на водах, участвующим в животворном ритуале.

Стоя на носу судна, дож берет обручальное золотое кольцо и бросает в воду со словами: «Мы берем тебя в жены, о море, в знак истинного и вечного господства». Но какое истинное господство могло быть в таком союзе? Один из символов кольца – плодovitость, поэтому этот праздник можно толковать как одну из старейших церемоний. Он мог также быть актом мольбы, задуманным, чтобы умиротворить море, угрожающее, таящее в себе штормы. Он мог быть и морским вариантом камлания, поскольку издавна существует традиция бросать кольца в море, чтобы предсказать будущее. Все эти значения соединяются в старинном ритуале союза с морем, который происходит весной в том месте, где «внутри» и «снаружи» сливаются. Как свидетельствуют более поздние данные, одним из наказаний за ересь была смерть через утопление, когда приговоренного бросали в море и предавали смерти в воде. Морскую казнь можно, в свою очередь, рассматривать как жертвоприношение морским богам.

Вскоре после одной из церемоний в праздник Вознесения в 1622 году в Венеции произошло сильное землетрясение. Как только дож и его свита вернулись из торжественной поездки, из-под земли раздался шум, похожий на гром, не прекращавшийся в течение нескольких секунд. Все кругом затряслось, но ничего, кроме одной трубы, не упало. В лагуне случались и другие землетрясения. Это во всех смыслах неустойчивая область. Во время землетрясения 1084 года упала колокольня Сан-Анжело. К концу XII века случились одновременные сдвиги на площади Святого Марка и на острове Торчелло, свидетельствующие о том, что между ними проходит разлом. Сильное землетрясение произошло на Рождество в 1223 году, а в 1283-м за землетрясением последовало мощное наводнение. 25 января 1384 года очередное землетрясение заставило звонить все церковные колокола Венеции; на следующий день за ним последовало еще одно, и так повторялось с перерывами в течение двух недель. Большой канал был пуст, а улицы полны воды.

Погода в Венеции морская; воздух влажен и пропитан солью, что благоприятствует образованию тумана или дымки. Ровный климат отчасти объясняется положением Венеции. Аверроэс, философ XII века, был первым, кто рассчитал, что Венеция находится на широте сорока пяти градусов в средней точке между экватором и Северным полюсом. Это еще один пример необычайно уравновешенного положения Венеции среди географических областей мира. Климат мягкий, напоминающий Северную Италию, поскольку Венеция окружена морем. Весна мягкая и прохладная, сильный ветер дует с Адриатики. Лето бывает знойным и тягостным, но как только солнце скроется за горами Фриули, воздух становится прохладнее, благодаря дуящим с моря бризам. Осень – вот время года, когда Венеция проявляет себя в полной мере. Осенний воздух – воздух меланхолии и прощания. Венецианские живописцы, Витторе Карпаччо и Джованни Беллини, заливали свои полотна лучезарным осенним светом.

Здесь, особенно осенью, возможен дождь. В воздухе появляется приглушенный серый цвет, а небо приобретает жемчужный оттенок. Дождь может быть морозящим или проливным. Никакие меры защиты от него не спасают, промокаешь насквозь. Дождь ослепляет. Реки выходят из берегов, а поднявшиеся вокруг Венеции воды становятся нефритово-зелеными. Лучшее описание венецианского дождя можно найти в романе Генри Джеймса «Крылья голубки» (1902), где он пишет о «Венеции с холодным хлещущим дождем с низкого черного неба, злым ветром, неистовствующим в узких улочках, с тем, что все приостановилось и замерло, с людьми, участвующими в этой водяной жизни, столпившимися, в затруднительном положении, без зарплаты...» Город воды блокирован водой, словно природные стихии мстят лишенному природы городу.

«Злой ветер» может прийти из нескольких точек. Восточный ветер дует с моря, освежая в теплые месяцы, но в холодное время года становясь более жестоким. *Bora* (ветер с

северо-востока) приносит холодный воздух – из северного региона Адриатики. Со стороны лагуны приходит влажный ветер, известный как *salso* (соленый) из-за содержания в нем соли. Говорят, он пахнет водорослями окружающих вод. Соль и влажность пропитывают дома Венеции, краска отслаивается, куски штукатурки отваливаются от стен. Кирпичи трескаются и в конце концов крошатся.

Бывают порывы ветра, которые очень быстро стихают, и вихри или смерчи. Сэр Генри Уоттон пишет о «вспыхивающем ветре». Все это в природе моря. Есть еще *garbin* (юго-западный ветер). Может быть, именно об этом ветре писал Святой Бернардино из Сиены в 1427 году, когда спрашивал своего корреспондента: «Вы были когда-нибудь в Венеции? Иногда вечером над поверхностью волн начинает дуть слабый ветер и звучит над ними, и это называется голосом вод. Но означает это милость Господа и дыхание Его». Даже погода в Венеции почиталась священной.

Самый известный ветер – *scirocco* (сирокко, теплый ветер), который дует с юго-востока, он может дуть три-четыре дня. Существует *scirocco di levante* (восточный сирокко, жаркий сирокко) и *scirocco di ponente* (западный сирокко, прохладный сирокко); существует даже ветер, который носит название *scirocchetto* (слабый сирокко). Сирокко полагают виновником склонности венецианцев к сладострастию и лени. Его воздействием объясняют пассивность и даже изнеженность жителей города в лагуне. Почему бы людям не формироваться под влиянием климата в такой же степени, как под влиянием истории и традиций? Погода снаружи может определять или не определять погоду внутреннюю.

Несколько недель зимы могут выдаться суровыми и служить действенным напоминанием об Альпах и северных снегах. Наиболее частые жалобы на погоду – сетования на страшный холод. Зимой 1607/1608 года те, кто охотился на птиц в лагуне, могли замерзнуть насмерть, есть несколько сообщений о путешественниках, которых окружали и загрызали стаи оголодавших волков. В начале XVIII века настал Год льда, тогда провизию в замерзший город привозили на санях. Бывают зимы, когда лагуна замерзает и венецианцы могут пешком дойти до материка. В 1788 году в Бачино, мелкой бухте перед *piazzetta*, жгли большие костры; на льду поставили киоски и прилавки, это был венецианский эквивалент лондонской *Frost Fair* (Зимней ярмарки). В 1863 году в течение месяца с приливом вверх и вниз по Большому каналу плавали льдины. Тогда Венеция была в полной мере замороженным миром, лед покрывал не только воду, но дома и дворцы. Венецианские дома не рассчитаны на холод, большие окна и каменные полы во время метелей делали жизнь в них невыносимой. Но есть все же что-то непередаваемо восхитительное в заснеженной Венеции, белизна превращает ее в зачарованное царство. То, что было текучим, становится хрусталем; тихий город под снежным покрывалом оказывается совершенно безмолвным.

Но зимой бывают недели, когда идет не совсем снег и не совсем дождь. Это дни и недели тумана. Радужная дымка или мгла окружена сотнями туманов, наползающих с моря. Серый истрийский камень становится форпостом тумана, осязаемым часовым тумана, сотканным из мрака. Как у эскимосов существует множество слов для обозначения льда, так у венецианцев – множество имен для тумана: *nebbia*, *nebbietta*, *foschia*, *caligo*. Когда оказываешься окруженным *nebbia*, создается впечатление, что на землю и воду опустились тяжелые дождевые тучи. Ничего не видишь и не слышишь. Иногда туман окутывает весь город, так что слышны только звон колоколов и приглушенные звуки шагов; сев на *vaporetto* (водный трамвайчик), который идет вдоль города, исчезаешь за белой завесой, едва отъехав от берега; все, что остается от Венеции, – фонарные столбы. Город возникнет снова, только когда прибудешь на следующую остановку.

Существуют предвестники наводнения. Воздух становится тяжелым и неподвижным, слышен шум волн, разбивающихся о берег Лидо. Вода в каналах тяжело колышется, становится зеленее из-за морского прилива. Ветер несет прилив вперед. Вода поднимается до

краев *fondamenta* и, что более тревожно, начинает снизу заливать город. Она льется потоком через водоотводы, проступает сквозь булыжники, просачивается сквозь грунт, поднимаясь все выше и выше; она оmyвает ступени церквей. Город отдан на милость волн, которые, кажется, сам и произвел. Когда звучат сирены, Венеция готовится к очередному приливу.

Acqua alta, заливающая *fondamenta* и *campi*, превращающая площадь Святого Марка в озеро, затекающая в дома и гостиницы, не редкость для города. Один из историков описывает великое наводнение 589 года, хотя, несомненно, их и раньше было немало. Но они были настолько обычны, что заслуживали лишь упоминания вскользь. Сильные наводнения отмечены в 782-м и в 885 году, тогда вода заливала весь город. С тех пор они случались не раз. В 1250 году вода поднималась равномерно в течение четырех часов и, по свидетельству современника, «многие утонули в своих домах или умерли от холода». Существовало поверье, что наводнения вызывают демоны и злые духи, а единственная защита от них – обращение к святым, охраняющим Венецию. В более позднее время обращений к сверхъестественным помощникам было меньше. В 1732 году мостовую *piazzetta*, обращенную к лагуне, подняли на треть метра, исходя из расчета, что море в Венеции поднимается на семьдесят шесть миллиметров каждое столетие. Это была недооценка.

Acqua alta – часть природного цикла, случающаяся, когда ветер, прибой и течение сходятся в одной точке. Заключая Венецию в роковые объятия, бора и сирокко могут вызвать штормовые волны в море. Это также феномен *сейшей* (стоячих волн) в относительно неглубоких водах Адриатики. Венеция погружается, кроме прочего, из-за потребления предприятиями воды из артезианских колодцев. Когда воду берут из наносов и глины, уровень грунтовых вод опускается – и вместе с ним Венеция. Углубление фарватеров в лагуне и мелиорация болот тоже усилили опасность затопления.

В каждом столетии случалось по несколько наводнений, но в последние годы они стали чаще и мощнее. В 1920-х их было триста восемьдесят пять; в 1990-х – две тысячи четыреста шестьдесят четыре. В ноябре 1966-го наводнение достигло почти двухметровой отметки. Сирокко дул два дня, запирая темную грязную воду в лагуне. Тогда многие решили, что настало время гибели Венеции.

Когда идет дождь, вода накапливается в каменных желобах церквей и домов, бежит по трубам, по водоводам, пока не достигнет подземных водоемов под каждым *campo*. Здесь вода фильтруется сквозь массу песка, прежде чем попасть в колодезную шахту. Она пресная и чистая. *Pozzi* (колодцы) были повсеместно. В середине XIX века в городе оставалось шесть тысяч семьсот восемьдесят два колодца, византийских или готических по конструкции.

В XV веке был затоплен огромный колодец в середине площади Святого Марка. Две обширные общедоступные цистерны были сооружены во внутреннем дворе Дворца дождей, и оттуда *bigolanti* (водоносы) разносили свой драгоценный груз. Это были крестьянки из Фриули в ярких юбках, белых чулках и соломенных или фетровых шляпах; они ходили по Венеции с медными ведерками, выкрикивая: *Acqua – acqua fresca!* (Вода – свежая вода!) Это был печальный, хотя и мелодичный, клич.

Для города, построенного на воде, вода сама по себе священна. Это то, что в Евангелии от Иоанна названо живой водой. Навесы над колодцами были богато декорированы в знак важности содержимого. Их украшали фрагменты алтарей, религиозные скульптуры, камни старинных храмов как символ духовного присутствия. Византийские навесы над колодцами были украшены скульптурными изображениями религиозных символов, включая крест и пальмовое дерево, они представляли собой мраморные цилиндры, какие можно было встретить в любом восточном городе. На готических навесах над колодцами, напоминавших капители больших колонн, были изображения – и натуралистические, и гротескные.

Имеются сообщения о чудесах, происходивших с помощью колодцев или рядом с ними. Во время чумы 1464 года некоего монаха спасла от смерти кружка воды из находивше-

гося поблизости колодца, которую подал ему всадник. Всадник впоследствии был опознан как Святой Себастьян. С тех пор этот колодец стал известен как колодец Святого Себастьяна.

Но колодцы зачастую пересыхали. Венеция, стоящая на воде, время от времени нуждалась в воде. После штормов в колодцы проникала соленая вода. В этом случае к рекам Боттенига и Брента посылали корабли, чтобы привезти запас пресной воды. К концу XIX века на материке для обеспечения города питьевой водой были выкопаны артезианские колодцы.

Вода была сутью жизни, колодец служил основой заведенного социального порядка в приходе. Железная крышка, закрывавшая отверстие каждого колодца, открывалась в восемь утра, поэтому у колодца в течение всего дня толпились люди. Этот сюжет на фотографиях старой Венеции встречается наиболее часто. Колодец определял дружеские отношения и интенсивность общения в приходе. Вода всегда оказывается великим объединителем и уравнивателем, и во многих отношениях Венеция считалась эгалитарным городом. Колодец был символом общественной пользы, зримым символом мудрого управления городом.

Но, разумеется, вода является жизнью и дыханием венецианской жизни и в совершенно ином смысле. Венеция наполнена водой, как тело страдающего водянкой, все ее части взаимопроницаемы. Вода – единственный путь для общественного транспорта. Это чудо текучей жизни. Все в Венеции следует рассматривать в отношении к ее водяной форме. Вода проникает в жизнь людей. Они «текучи», кажется, что они противятся ясности и точности. Когда наиболее богатые венецианцы строили виллы на материке, то всегда выбирали места как можно ближе к реке Бренте. Венецианский живописец Тинторетто любил писать текущую и льющуюся потоком воду, это в какой-то мере отражало его дух. В работах Джорджоне и его школы постоянно встречаются колодцы, пруды и озера, свежая и бегущая вода. В мифах и фольклоре вода всегда ассоциируется с глазами и с лечением глаз. Разве удивительно в таком случае, что Венеция – самый привлекательный для глаза город мира?

Постоянное присутствие воды порождает и беспокойство. Вода тревожит. На прогулках следует быть осторожным и внимательным. Все непрестанно меняется. Зачастую черная или кажущаяся клейкой темно-зеленая вода выглядит холодной. Ее нельзя пить. Она бесформенна. У нее есть глубина, но нет объема. Как утверждает венецианская поговорка, «на воде нет пятен». Вода из-за бесформенности служит метафорой человеческого подсознания. Карл Юнг в эссе «Видения Зосимы» (1945–1954) говорит, что дух спрятан в воде, как рыба. Венецию часто изображают в виде рыбы. Эта дивная вода, настоящая на духе, представляет собой круговорот рождений и смертей. Но если вода – образ подсознательной жизни, то она дает убежище странным видениям и желаниям. Близкий контакт Венеции с водой потворствует сексуальным желаниям; говорят, вода расслабляет мышцы, так как человек перенимает ее поведку, и разжижает кровь.

Но Венеция, кажется, застыла в раздумье над своим отражением в воде. Она всматривается в него в течение многих столетий. Поэтому постоянно возникает ассоциация между Венецией и зеркалом. Это первый город, который стал производить зеркала в промышленном масштабе, к XVII веку венецианцы изготавливали самые большие зеркала в мире. Зеркальное стекло было создано в конце XV века. Два величайших венецианских художника, Джованни Беллини и Тициан, изобразили молодых женщин, разглядывающих себя в зеркале. В обоих случаях одно зеркало висит позади головы, а другое поднесено к лицу. Обе картины датируются 1515 годом, всего семь лет назад правительство Венеции получило лицензию на изготовление зеркал на острове Мурано. Эти художники рекламировали венецианские товары широкого потребления или скорее разделяли характерную для венецианцев приверженность к предметам роскоши. Но в то же время они средствами живописи показывали контраст между истинной и зеркальной поверхностью, двойственность, которую в окружающем их мире они вполне осознавали. Молодая женщина могла быть самой Венецией, задумчиво разглядывающей собственное отражение.

Образ в зеркале может в каком-то смысле служить гарантией подлинности и целостности. Корень нарциссизма кроется в страхе фрагментации, который можно успокоить видом отражения. Дева Мария в «Книге Мудрости» прославляется как «незамутненное зеркало Бога»; а Венеция всегда ассоциировала себя с Мадонной. Но, разумеется, изображение в зеркале это фальшивое «я»; оно статичное, отвлеченное, неуловимое. Считается, что венецианцы всегда осознают собственное отражение. Они всегда умели показать себя и устроить маскарад. Они всегда играли роль. Одним из любимых развлечений венецианской публики в XVIII веке было рассматривать друг друга в театральные бинокли.

В этом городе царит двойственность, и, возможно, потому там процветают двуличность и двойные стандарты. Путешествуя по недавно построенной железной дороге, Рихард Вагнер намеревался «поглядеть вниз с дамбы на отражение Венеции, поднимающееся из воды внизу», но его спутник «вдруг уронил шляпу, когда в восторге высунулся из окна вагона». Отражение вызывает восторг, потому что кажется таким же реальным и живым, как то, что отражается. Когда смотришь вниз, на воду, у Венеции, кажется, нет иного фундамента, чем отражение. Видно только отражение. Венеция и отражение Венеции нераздельны.

На самом деле это два города, и каждый существует лишь тогда, когда на него смотрят.

Глава 3

Зеркало, зеркало

Для Венеции характерна неизменная приверженность внешней стороне вещей. Слова о том, что в городе лишь фасады домов заслуживают украшения или отделки, стали общим местом. Большая часть готических фасадов представляет собой именно ширму, не имеющую отношения к внутреннему устройству зданий. Это одна из самых странных особенностей города, в некоторых отношениях напоминающего декоративную ракушку. Богатые штукатурные и лепные работы могут скрывать разрушающуюся кирпичную кладку. Рёскин рассуждает о «двуличности» собора Святого Марка, где внутренняя и наружная отделка совершенно разные. Город выстроен из кирпича, но замаскирован мрамором.

Совершенно не имеет значения, что за великолепными фасадами венецианские дома зачастую холодные, грязные и неудобные. Подобным образом у владельцев домов показная расточительность сочетается со скупостью и мелочностью при ведении домашнего хозяйства. Таковы были привычки венецианцев. К примеру, не принято было приглашать гостей в дом, внутреннее пространство ограничивалось родственниками и самыми близкими друзьями. В XVIII веке английский поэт Томас Грей заметил, что в домашней жизни венецианцы «экономны до неприличия».

Честь и доброе имя в венецианском обществе были столь же важны, как и в любом другом, но мерилом чести было то, что называлось *bella figura*; так сказать, искусство соблюдать внешние приличия. Одним из важных двигателей венецианской жизни была – и до сих пор остается – боязнь критики. Все должно делаться по правилам, в соответствии с установленными образцами. Эти образцы могут скрывать должностные преступления и коррупцию, но важно, что они неизменны. Это напоминает фасад-ширму венецианского дома.

Двойные императивы видимости и зрелища, замысла и выставления напоказ пронизывают любой уровень и любой аспект венецианского общества. Рассказ XVI века об обанкротившемся банкире из Риальто мимоходом объясняет, что «этот рынок и город Венеция по природе очень склонны прельщаться видимостью и доверять ей». Венецианские живописцы смакуют роскошную внешнюю сторону мира. Архитектуру Венеции отличают уловки и показная роскошь, подобно театральным декорациям. Венецианская музыка всегда была сосредоточена скорее на внешних эффектах, чем на внутренней логике. Литература Венеции была ораторской по своей природе – и в театре, и в народной песне. Ни один другой город-государство в Италии не был так сосредоточен на проблемах риторики и стиля. Характерно, что венецианские потолки – фальшивые, подвешенные где-то под балками. В XVIII веке выставление напоказ, зрелище сделались способом маскировки разложения и провала политического курса. Этот неизменный характерный признак помогает понять сущность города и его жителей.

Современная реставрация многих венецианских зданий – свидетельство неблагополучия, создание в большей степени видимости, чем реальности. В пристрастии к видимости реставраторы создали нереальный город, имеющий весьма слабое отношение к своему прошлому и к своему настоящему. Архитекторы и дизайнеры сосредоточены на том, чтобы повторить эстетические очертания города, но они скорее воображаемые, чем реальные, результат ностальгии и стремления выдать желаемое за действительное. На практике они переделали или модифицировали архитектурный язык прошлого, чтобы он подходил к их собственному заранее составленному мнению относительно того, как в действительности должна выглядеть Венеция. Желобки и кирпичная облицовка были удалены, горизонтальные линии выпрямлены и подчеркнуты, окна изменены, чтобы соответствовать сооружению, балконы сужены ради всеобщей гармонии, мансарды убраны, а барочные детали

заменены готическими. По каким-то причинам яркие оттенки красного и желтого стали встречаться в городе там, где их раньше не было. Такой стиль известен как *ripristino* (создание подделок).

Вот характеристика общего недуга современной Венеции, впервые высказанная немецким социологом Георгом Зиммелем в начале XX века. Он отмечал, что город представляет собой «трагедию поверхности, оставшейся без основания». Это не делает Венецию поверхностной. Напротив. Внимание к поверхности без глубины создает тайну и непостижимость.

Столетиями Венеция была известна производством стекла, теперь доминирующей промышленностью на острове Мурано. В чем привлекательность стекла для морского города? Стекло – материальное море. Море, ставшее твердым, его прозрачность схвачена и обездвижена. Как будто набираете в ладони море и превращаете в парчу. Венеция подходящее место для этого. Писатель Георгиус Агрикола написал в XVI веке об изготовлении стекла в Венеции, что стекло образуется из «легкоплавких камней» и «затвердевших соков» – подходящая метафора положения Венеции между водой и камнем. Песок становится прозрачным. Песок не венецианский, его привозили из Сирии, а потом из Фонтенбло во Францию. Венецианские стекольщики были самыми умелыми в мире.

Стеклодувы работали в лагуне со времен римлян. В Венеции найдено стекло, относящееся к IV–VII векам, а обнаруженная на Торчелло печь VII–VIII веков свидетельствует об условиях производства, характерных для римлян. В народной традиции всегда утверждалась непрерывность производства стекла на островах, и действительно опыт и навыки передавались там из поколения в поколение. Но большая часть знаний почерпнута стеклодувами из византийских и исламских источников. Это еще один пример равновесия, которое поддерживала Венеция между двумя мирами.

В документе 982 года впервые назван по имени один из стеклодувов, некий Доменико. Венецианская гильдия стеклодувов образовалась в XIII веке. В том же веке из страха перед пожарами мануфактуры по производству стекла были перенесены на остров Мурано. Там они расцвели. Однако в каком-то смысле стеклодувы были узниками государства. Они не могли перемещаться ни в какую другую часть Италии. Раскрыть какой-либо секрет венецианского производства стекла значило навлечь на себя смерть. Любого работника, бежавшего на материк, выслеживали и при возможности насильно возвращали. Так подчеркивалось значение этого ремесла для венецианской экономики, а, может быть, и нечто большее. Изготовление стекла было жизненно важно для экономических успехов города.

Было бы абсурдным предполагать, что рабочие на Мурано считали себя притесняемыми или вынужденными работать в атмосфере страха, однако угроза государственного наказания красноречиво свидетельствовала о постоянном присутствии государства во всех аспектах венецианской жизни. Это общество ни в каком смысле не было свободным. Оно было островным и потому закрытым.

Венецианские стеклодувы производили кубки и кувшины для умывания, бутылки и фляги, бусины и чаши, лампы и оконные стекла, кувшины и линзы, а также целый ряд декоративных предметов из *cristallo*, поддающейся обработке разновидности стекла, обладающего прозрачностью и блеском горного хрусталя. Мастера могли изготовить настолько тонкое стекло, что, как говорили, оно разлеталось на куски при соприкосновении с ядом. Рабочие Мурано создавали стекло молочного цвета, имитирующее структуру льда, стекло с вкраплениями кристаллов меди. Разновидности стекла напоминали мрамор, металл или фарфор. Начиная с XV века венецианское стекло становилось все более искусным и украшенным. В тот период, когда Венеция сделалась поставщиком роскоши любого вида, оно приобрело статус роскоши. Изготовленные предметы становились все бесполезнее и

дороже. В 1500 году один из современников писал о производстве муранского стекла: «Не существует драгоценного камня, которого не могло бы имитировать производство стекольщиков в прекрасном состязании человека с природой».

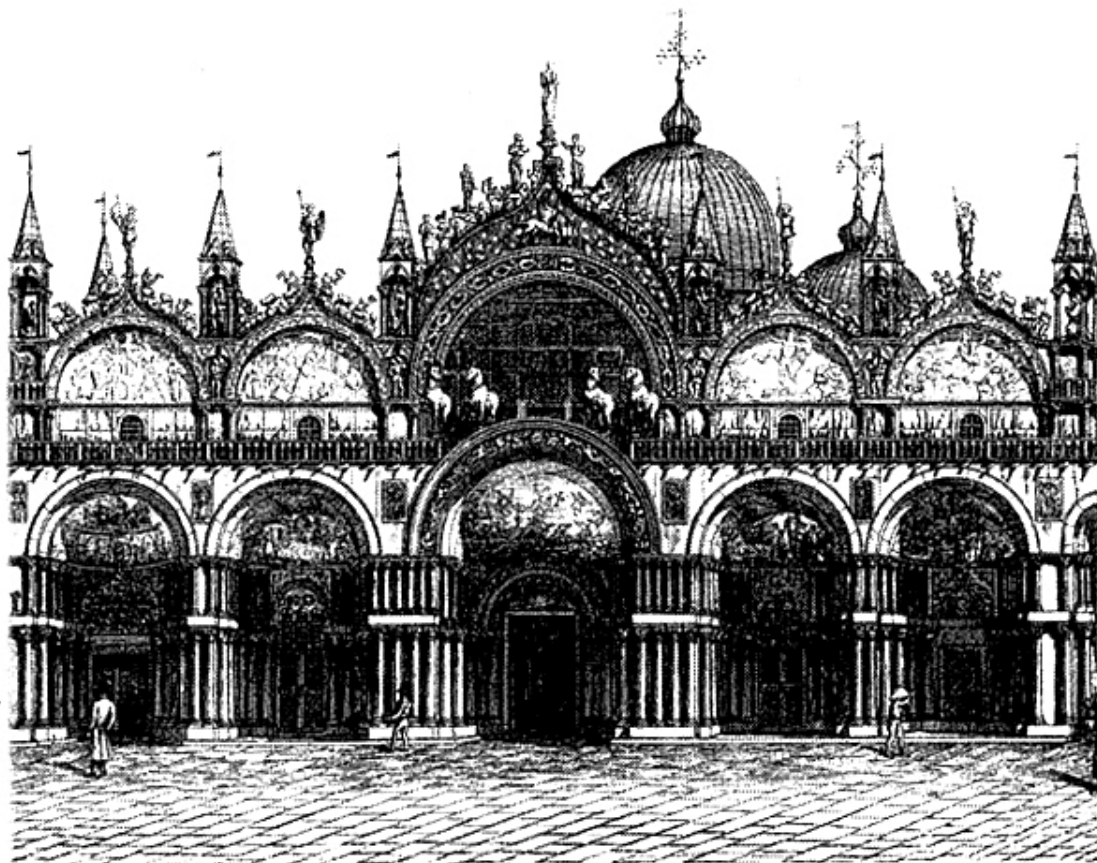
Венеция уже была втянута в это состязание, прекрасное или напротив, много веков назад. Вот еще одна причина ее замечательной приспособленности к такому ремеслу. Английский писатель и путешественник Джеймс Хауэлл в середине XVII века поражался, как огонь печи может «превратить маленькую кучку темной пыли и песка в такое драгоценное чистое вещество, как хрусталь». Но разве Венеция не проделала подобное превращение с самой собой, разве она не возникла из темной пыли и песка своих начал? Из этой пыли и песка появился хрустальный город. Мосты, церкви и дома поднимались и становились все просторнее. Приезжая в Мурано посмотреть на искусную работу стеклодувов со шпателем и пинцетами, путешественники постигали природу и становление этого прозрачного города.

Часто говорят, что лагуна напоминает расплавленное стекло. В самом деле, стекло стало метафорой самой Венеции. Существовала поговорка: «Первая красивая женщина, которая когда-либо была создана, была из венецианского стекла».

Стекло прозрачно, невесомо, оно проницаемо, оно проводит цвет и свет. У стекла нет объема, оно все – поверхность, идущая рябью или волнами, где внутреннее и внешнее – одно и то же.

Венецианские живописцы учились у сограждан, работавших у печей. Они учились смешивать цвета, создавать ощущение текучих, расплавленных форм. Живописцы буквально заимствовали материал у мастеров стекольных дел. Они смешивали крохотные кусочки стекла со своими красящими пигментами, чтобы передать мерцание и прозрачность, которые видели в окружающем мире. Стекло светится, оно покрыто пятнышками пены, покрыто рябью и волнами, оно обладает огромным прозрачным спокойствием, в нем есть более темные прожилки, оно текуче. Стало быть – стекло, как и Венеция, родом из моря.

II Город Святого Марка

Глава 4

Пришествие святого

В ранней истории Венеции произошло очень важное событие. В 828 году туда привезли то, что считается мощами великого евангелиста, самого Святого Марка, и это полностью изменило характер и статус города. Рассказ об этом в основе своей оставался неизменным в течение веков.

Речь идет о венецианских купцах – представителях класса, который с самого начала играл ведущую роль во всех делах венецианского государства. Буоно с Маламокко и Рустико с Торчелло поехали по торговым делам в порт Александрию. В чужой земле они разговаривали со священниками церкви Святого Марка, отвечавшими за сохранность мощей святого мученика, помещенных в древний саркофаг. Священники сетовали на гонения, которые католикам приходилось терпеть от сарацин, и опасались, что их прекрасную церковь могут ограбить и даже разрушить. Венецианцы выслушали их с большим сочувствием. А затем предложили священникам вернуться вместе с ними в Венецию. По словам купцов, священники могли бы взять с собой мощи Святого Марка, и это пошло бы в счет платы за путешествие. Несмотря на некоторые опасения, священники согласились.

Сняв шелковый покров, мощи Святого Марка вынули из саркофага, заменили другими, менее известного святого. Потом мощи Святого Марка поместили в сундук, спрятав под слоем свинины и капусты, и пронесли на борт венецианского корабля. Мусульманские чиновники, захотевшие осмотреть сундук, увидев свинину, закричали: *Kanzir! Kanzir!* (Ужас! Ужас!) и прекратили досмотр. А после выхода из порта мощи, для безопасности, завернули в парус и подвесили к нок-рее. Когда же корабль вышел в открытое море, священный груз в окружении свечей и кадил положили на палубе.

Таким образом евангелист был благополучно перевезен в Венецию, но еще во время путешествия по Средиземному морю совершил ряд чудес.

Все благоприятствовало его прибытию. Тайнственным образом Марк дал знать своим хранителям, что хочет, чтобы его отнесли во Дворец дождей, а не в кафедральный собор, возводившийся на Оливоло. Мощи поместили в пиршественном зале.

На том месте, где сейчас находится базилика Святого Марка, была построена часовня. Ее воздвигли на месте фруктового сада.

Приверженность Святому Марку вскоре превзошла приверженность предыдущему святому, Теодору, и в его честь была построена огромная базилика. Дворец дождей нуждался в святыне, чтобы укрепить собственную легитимность, и, как можно предположить, святыня нуждалась во дворце, альянс между ними мгновенно повышал и статус дожа, и силу общины. Если находился кто-то настолько безрассудный, чтобы усомниться в рассказе о Божественном трофее, согласно позднему венецианскому историку, нужно было «дать ему приехать в Венецию и увидеть прекрасную церковь монсиньора Сан-Марко, и посмотреть на фасад этой прекрасной церкви», на мозаики, правдиво изображающие всю эту историю. Возможно, такое свидетельство нельзя представить суду, но оно в достаточной мере доказательно для благочестивых верующих. Мозаики – лишь самый явный пример культа Святого Марка. На большой арке, над правыми хорами базилики, можно найти сцену погрузки мощей Марка, там же корабль, плывущий в Венецию, там же сцена встречи мощей в городе.

Мозаики конца XII века светятся благодаря тому, что изготовлены согласно византийской традиции. Мозаика – это филигрань на серебряной поверхности Венеции.

С самого начала культ Святого Марка был столько же светским, сколько религиозным. Он сделался иконой и эмблемой Венеции (вместе с крылатым львом – символом еванге-

листа Марка), но всегда ассоциировался скорее с дожем, чем с епископом. Явное похищение мощей не представляло собой проблемы. Вскоре возникла легенда, что Марк, прежде чем сделаться епископом Александрии, был епископом Аквилеи, города, расположенного к северу от лагуны. В любом случае факт, что перемещение было совершено с благословения самого Марка, доказывал милость последнего. Желание Господа исполнилось. Иначе похищение не было бы успешным. Это один из тех нуждающихся в доказательстве доводов, которые так трудно опровергнуть.

В XIII веке был добавлен другой пласт этой истории. Утверждали, что Святой Марк однажды искал убежища от бури и чудесным образом укрылся на острове Риальто. Здесь, на месте будущей Венеции, ему явился ангел и провозгласил: *Pax tibi, Marce. Hic requiescat corpus tuum*. (Мир тебе, Марк. Твое тело когда-нибудь упокоится здесь.) Разумеется, ни одного исторического свидетельства о том, что евангелист когда-либо посещал лагуну, не существует.

В любом случае, первоначальный вариант легенды вызывает много вопросов, не в последнюю очередь относительно фантастической цепи событий, которая привела к *translatio* (переносу) Марка. Что это своего рода похищение, кажется несомненным. Что святыне мощи нашли приют в Венеции, тоже несомненно. Они могли быть или не быть мощами Святого Марка. Это могли быть любые древние мощи, окутанные благочестивым обманом не хуже любого иного покровы. Похоже, на деле купцы были посланы в Александрию дожем именно с заданием заполучить мощи. Их перемещение в Венецию должно было поднять как священную власть дожа, так и значение Венеции. Венеция и Марк могли соперничать с Римом и Петром. Интересно, что Марк в свое время был секретарем Петра, и Петр ссорился с Марком из-за его непослушания и недостаточного благочестия; те же обвинения выдвигались против Венеции некоторыми Папами. Со времени *translatio*y Венеции начались самые сложные отношения с Римом, никогда не уступавшим в религиозных делах первенства Понтифика.

Из этого *translatio* вытекало еще множество последствий. Присутствие святого, как считалось, защищало Венецию от нападения или блокады и, таким образом, поддерживало веру в провозглашенную ею собственную неуязвимость. Венеция прожила, невредимая, до времен Наполеона. Благословение святого должно было также объединить острова лагуны под властью Венеции, и эта политическая и социальная перемена действительно произошла в течение двух или трех веков. Ходили слухи, что голова евангелиста осталась в Александрии, но венецианцы настаивали на целостности мощей. Целостность мощей служила также отражением аналогичной природной взаимозависимости островов лагуны.

Было важно и то, что святой прибыл по морю. Море стало настоящей стихией Венеции, и не было лучшего способа освятить его, чем представить сверкающим путем Божественного покровителя. На мозаиках базилики подчеркнут образ корабля на волнах. В более поздней легенде трое святых – Марк, Георгий и Николай, – взяв у рыбаков лодку, утихомиривают затеянный демонами шторм в лагуне. Сходя с лодки, Марк дарит рыбаку золотое кольцо, которое тот, в свою очередь, передает дожу. Власть над морем передается от святого к рыбаку, а потом к вождю. Это один из основополагающих мифов о Венеции, связанный с постоянной борьбой города с водой.

Здесь есть и связь с вопросом свободной торговли, от которой зависела Венеция. Во времена переноса мощей Марка на торговлю христиан и сарацин было наложено эмбарго византийского императора. Но вопреки запрету два купца перевезли священный груз из Александрии, возможно, тем самым расчистив путь для менее драгоценных грузов – товаров широкого потребления. Это было выпадом против императора и хорошим предзнаменованием для купцов. Если не можешь заниматься сельским хозяйством, как говорили венецианцы Папе, который выражал недовольство тем, что они торгуют с неверными, тебе остается

ловить рыбу. И святых. Говорили, что когда в Александрии открыли саркофаг, город наполнился восхитительным ароматом, похожим на аромат «сладких пряностей». А венецианские торговцы славились торговлей пряностями.

Мощи были залогом независимости Венеции. Прежний хранитель города, Святой Теодор, был явно византийского происхождения. Заменяв Теодора Марком, Венеция обеспечила себе контроль над собственной судьбой. Святой Марк стал синонимом Венеции. Кажется, что половина венецианцев до сих пор получает при крещении имя Марко. Красный флаг Святого Марка стал венецианским штандартом. Крылатый лев везде. Удивительные, если не чудесные, события 828 года гарантировали сущностную и окончательную автономию Венеции.

В 976 году в Венеции в ходе восстания против правящего дожа произошел большой пожар. Собор Святого Марка уничтожил огонь. Можно было бы предположить, что мощи тоже погибли в огне. На самом деле они, по всей вероятности, были «утеряны» до 1094 года, когда по странной случайности часть колонны упала, открыв останки евангелиста. Было действительно чудом, что они уцелели при сильном пожаре. Вопреки всему – святой остается с нами. До самых последних лет сообщается, что его останки лежат под высоким алтарем Святого Марка. Летом 1968 Папа Павел VI вручил некий фрагмент мощей евангелиста делегации иерархов Коптской церкви, но утверждал, что остальное по-прежнему в Венеции. Большой палец Святого Марка, как и золотое кольцо, которое он дал рыбаку, до сих пор хранятся в сокровищнице базилики. Древние кости продолжают жить в воображении людей.

Существует еще одно напоминание об этом святом, встречающееся по всему городу. Лев Святого Марка – эмблема Венеции; его можно встретить в виде барельефа или статуи, каменного и бронзового. Львов можно обнаружить на Дворце дожей и на часовне дожа, львы стоят перед венецианской верфью, они охраняют дворцы и общественные места. Каждое общественное здание Венеции когда-то несло на себе изображение этого зверя. Крылатый лев стоит на колонне у гавани. Лев был символом – религиозным и политическим. Лев означает власть и патернализм. Он также символ справедливости. Эти ассоциации связаны между собой.

Религиозные коннотации льва как спутника евангелиста ясны. Но лев может быть и жестоким. Он может быть агрессивным. Это способ символизировать мощь Венеции, если ее рассердят. Надпись, датированная серединой XV века, гласит: «Смотри на крылатого льва! Я смиряю землю, море и звезды». Льва Святого Марка часто изображают с задними лапами в воде, а передними на суше, что означает претензии Венеции на господство и над морем, и над материком.

Глава 5

Прибежище

Венеция воспринимается как большой корабль на море. Из-за непрерывного движения воды иногда возникает впечатление, что почва Венеции тоже движется, наподобие палубы корабля. В XIX веке Ральф Уолдо Эмерсон писал в дневнике о пребывании в Венеции: «Кажется, будто ты все время на море».

Образ государства как корабля известен, но приобретает особую уместность в городе, который чуть ли не плывет. Говоря о руководстве республикой, Франческо Фоскари, дож, правивший Венецией в начале XV века, интуитивно прибег к языку моря. Он рассуждал о парусах и снастях, о ветре и течении так, что чувствовался его опыт моряка-практика. Этот язык венецианцы понимали хорошо. К примеру, проводилась аналогия между строительством в городе и постройкой корабля. Видя перед собой уже построенный корабль, трудно представить, как он выглядел, имея только шпангоуты и киль. Подобным образом нелегко определить, какова изначально была Венеция.

Острый треугольный мыс Доганы, или таможни, находится на острове Дорсодуро, рядом с Большим каналом, его часто сравнивают с носом корабля. На соборе Санта-Мария делла Салюте, сразу за мысом Доганы, статуя Девы Марии одета в форму *capitano da mar* (адмирала венецианского флота). Венецианские здания часто сравнивают с кораблями из-за их очертаний, с кораблями, превратившимися в камень и поставленными на мертвый якорь. Деревянные крыши некоторых венецианских церквей имеют *forma di galea* (форму корабельного корпуса). Круглые отверстия в домах Венеции похожи на иллюминаторы.

Самая важная аллюзия поберегается напоследок. Корабль был когда-то убежищем для поселенцев. Корабль Венеции с самого начала был приютом для изгнанников и путников, открытым городом, с готовностью ассимилирующим всех, кто появляется в его границах. По словам путешественника XV века, в Венеции «большинство людей иностранцы», а в следующем столетии некий венецианец писал, что кроме аристократов и граждан, «все остальные иностранцы, и очень мало венецианцев». Его замечание касалось преимущественно лавочников и ремесленников. В 1611 году английский дипломат сэр Дадли Карлтон описывал Венецию как «микрокосм, а не город». Венеция была создана больше на манер *orbis*, чем *urbis*. И такой она оставалась на протяжении всей своей истории.

Здесь наряду с многообразием жителей материковой Италии жили французы и славяне, греки и фламандцы, евреи и немцы, восточные люди и испанцы. Некоторые улицы были названы в их честь. Здесь были представлены все страны Европы и Леванта. Это замечали все путешественники: выйдя на площадь Святого Марка, они словно оказывались у подножия Вавилонской башни. Ни в одном порту мира не было столько чужеземцев. На многих картинах XIX века в толпе среди строгих костюмов и цилиндров венецианских джентльменов видны длиннополые суконные кафтаны еврейских торговцев, алые фески греков, тюрбаны и халаты турок. Можно сказать, что венецианцы моделировали собственную идентичность в постоянном контрасте с теми, кто находился под их защитой.

Немцам была обеспечена их собственная миниатюрная Германия на подворье, известном как Фондако деи Тедески, близ Риальто, где было два больших помещения для еды и восемьдесят отдельных комнат. За немецкими купцами наблюдало и следило правительство, но говорили, что «они любят город Венецию больше, чем свое отечество». В XVI веке здесь в огромных количествах селились фламандцы. Собственный квартал с православной церковью был у греков. После падения Константинополя в 1204 году и после сдачи города туркам в 1453-м последовал новый приток византийских греков – среди которых были солдаты, моряки, художники и интеллектуалы, ищущие покровителей. Свои кварталы были у албан-

цев и армян. В конце концов на острове Сан-Ладзаро был построен армянский монастырь, куда Байрон ездил изучать армянский язык, чтобы наряду с чувственными удовольствиями Венеции тренировать ум. В Венеции была колония турецких купцов, они владели дворцом Фондако деи Турки, где имелась школа с изучением арабского языка.

Венеция была местом, где процветал космополитизм. Но Венеция раскрывала пришельцам свои объятия не из альтруизма или щедрости. Без иммигрантов она не выжила бы. Некоторые из них вступили в брак с местными жителями и поднялись до ранга граждан.

Разумеется, иммигранты не были хорошо защищены. Тысячи бедняков ютились в дешевых жилищах, деля угол с соплеменниками. Они сосредоточивались в беднейших кварталах. Многие приехали сюда, спасаясь от Балканских войн или от невыносимой бедности, некоторые бежали от эпидемии чумы. К XVI веку в результате этого наплыва Венеция стала самым густонаселенным городом Италии. Иммигранты выполняли малооплачиваемую работу для города и даже работали гребцами на шлюпках военных судов. Они делали то, чем сами венецианцы занимались неохотно.

В XIV веке Петрарка прославлял Венецию как «единственное убежище свободы, справедливости и мира, единственное прибежище добра в наши дни». Город-порт, естественно, воспринимался как убежище, укрытие. Пьетро Аретино, который бежал из Рима и обрел безопасность в Венеции, формулировал это иначе. В адресе дожу в 1527 году он пишет: «Венеция принимает тех, кого все остальные избегают. Она помогает подняться тем, кого все остальные унижают. Она оказывает гостеприимство тем, кого в других местах подвергают гонениям». В этом открытом городе существовала терпимость, неизвестная в других регионах. И начиная с XVIII столетия город стал пристанищем для тех, кого Генри Джеймс называл «свергнутыми, потерпевшими крах, разочарованными, уязвленными или даже просто скучающими». «Свергнутые» были отличительной чертой Венеции. Сюда уезжало множество свергнутых европейских правителей. В 1737 году в городе жили пять изгнанных монархов, одним из них был юный Чарлз Эдуард Стюарт.

Венеция была прибежищем и для тех, кто пал духом, для странников и изгоев. Она стала домом для лишенных собственности и изгнанных. Ее пропитанной влагой, меланхолической натуре подходили люди, познавшие печаль. Город стал прибежищем для тех, кто не был уверен в законности своего происхождения или в своей истинной идентичности и, возможно, для тех, кто хотел вообще забыть о том или другом. Он был как мать, бесконечно податливый и сговорчивый. Здесь было безопасно, как в утробе матери. Жители отличались благовоспитанностью и мягкостью. Венеция была городом транзита, где легко можно было затеряться в толчее, городом на границе между различными мирами, здесь благосклонно принимали тех, кто «не подходил» для своих родных мест.

К примеру, в XIX и начале XX века город стал притягателен для гомосексуалистов, которых привлекали местные мальчики и гондольеры. Сюда приезжали обманщики и мошенники всех сортов, разорившиеся финансисты и проигравшие политики, опозоренные женщины и авантюристы, алхимики и шарлатаны. Людей без корней притягивал город без корней.

Венеция была пограничной зоной между верами. Католичеством и православием. Исламом и христианством. Поэтому здесь было так много религиозных реформаторов разного толка. Здесь в середине XVI века возник тайный синод анабаптистов, а немецкая община приютила лютеран. Венеция всегда сохраняла дистанцию от Рима и защищала независимость своей Церкви от посягательств Папы. Таким образом, она стала, теоретически, ареной религиозных обновлений. Был даже период, когда английское правительство полагало, что эта республика готова объединить свои силы с Реформацией. Как выяснилось, суждение было ошибочно.

Если ты потерпел крах, то Венеция – самое подходящее место, чтобы о нем забыть. Здесь ты в буквальном смысле обособлен, отделен от внешнего мира, поэтому его пренебрежение или просто невнимание больше не могут тебя ранить. Венеция была бегством от современности во всех ее видах. И, как всякий открытый порт, она гарантировала анонимность. В Венеции изгнанник мог расстаться со своей идентичностью или скорее мог обрести новую идентичность, соответствующую плавучему городу. Он мог стать таким же текучим и неуловимым. Скажи мне, кто я. Но не кем я был. Это справедливо до сих пор.

Пожалуй, в том, что город, который охотно предоставлял убежище иностранцам и изгнанникам, дал миру слово «гетто», есть ирония. Кажется, что гетто, маленькая островная община, естественно возникает в венецианских условиях. Венецианское гетто сделалось Венецией в миниатюре. И это поможет нам понять природу самого города.

Евреи стали селиться в городе самое позднее в XII веке. В 1152 году их число достигло тринадцати сотен. Жить в самой Венеции им не позволялось, и они селились рядом, на Спиналонге (цепь из восьми островов), впоследствии переименованном в Джудекку. Два столетия спустя евреи получили разрешение селиться в городе. Место для их кладбища было отведено в песках Лидо и ограждено частоколом, чтобы защитить мертвецов от «гноустей» венецианцев. Евреи всегда были объектом предубеждений и истерии основного населения, движимого предрассудками или жаждой отнять богатство у чужаков. Евреям были запрещены все профессии, за исключением медицины, и все виды коммерческой деятельности, кроме ростовщичества, их осуждали за это занятие, но им не оставалось ничего иного.

В начале XVI века еврейские жилища были разбросаны по всему городу. В тот период поражения в битвах с другими итальянскими городами на материке заставил венецианцев думать, что причиной неудач стала излишняя терпимость в своей среде части горожан к убийцам Христа. Гнев Божий обратился против Его избранного города, что усиливало тревожность, которую, судя по всему, венецианцы испытывали всегда. 29 марта 1516 года евреи были заключены в первое гетто. Оно было расположено на границе северного района, известного как Каннареджо, в удалении от священных мест города. В местности, отданной для поселения евреев, прежде располагались мастерские для литья пушек. Глагол, обозначающий литье металла, – *gettare*. Существительное, обозначающее отливку, – *getto*. К этой территории были добавлены два прилежащих квартала. Так сложился комплекс гетто.

Идея была не нова. Немецкие купцы уже были приписаны к своим кварталам, где находились под надзором и где с них без труда можно было взимать налоги. Туркам вскоре предстояло последовать за ними. Подобная политика разделения и отгораживания была опробована в венецианских средиземноморских колониях. В основе управления Венецией лежал прагматизм. Разумеется, такой прагматизм под другими небесами, в других культурах мог стать убийственно грубым. Венецианцев всегда заботило определение и создание пространства. В таком случае – что может быть более естественным, чем изобретенное ими гетто? Однако идея не была самой милосердной из возможных. Священное государство в некоторых отношениях превращалось в рационалистическое. Где-нибудь еще эта комбинация могла оказаться фатальной.

Венецианское гетто обладало особыми, характерными чертами. Оно было, или сделалось, бедным и переполненным. Окруженный стеной маленький остров с одним мостом, связывающим его с остальной Венецией. Обитателям гетто разрешалось покидать его, когда на рассвете на колокольне Святого Марка звонил колокол *Marangona*, но с закатом они обязаны были вернуться. В этот час мост поднимался. Евреи оказывались запертыми на ночь.

Пространство было настолько ограничено, а наплыв обитателей настолько велик, что дома в гетто становились все выше и выше, до восьми-девяти этажей. Здания разделялись на квартиры, в каждой жило четыре-пять семей. Рассказывали, что некоторым приходилось

спать в разное время суток, поскольку на полу было слишком мало места. Райнер Мария Рильке в «Сцене из Венецианского гетто» (1900) рассказывает историю одного многоквартирного дома в гетто, который поднимался все выше и выше, пока его обитатели не увидели море. Это весьма значимая венецианская легенда.

На самом деле все окна смотрели во внутренний двор. Визуального контакта между иудеями и христианами не должно было существовать. Считалось, что иудеям не пристало видеть святыни, которые проносят по близлежащим христианским улицам. В этом – отражение латентной тревоги венецианцев. И неслучайно снаружи здания казались каменными утесами. Ворота у моста днем и ночью охраняли стражники. Соседние набережные были обнесены стенами. Две лодки патрулировали близлежащую зону. Гетто напоминало крепость или тюрьму. Да и сам город стал в некотором роде тюрьмой для своих обитателей.

Евреи должны были носить знак принадлежности к своей нации. Сначала это был круг из желтой ткани размером с яблоко, который нашивали на грудь уличной одежды; затем это стала желтая шляпа, затем красная. Сексуальная близость между иудеями и христианами была запрещена. Любый иудей, застигнутый с христианкой на месте преступления, нес кару: ему отрезали яички.

К концу XVI века стали раздаваться жалобы, что гетто «днем и ночью служит убежищем ворам и распутникам, там все время вспыхивают ссоры, стычки с применением оружия, раздаются угрозы». Но в то время подобное можно было сказать о любом городе. Три столетия спустя Теофиль Готье проклинал гетто как «зловонное, продажное место». Но в тот период такому описанию соответствовала большая часть Венеции. Гетто отражало природу этого большого города, и в этом микрокосме в микрокосме все выглядело более выпукло и ярко.

В гетто были подпольные игорные дома, так же как в большом городе, где проигрывались или выигрывались огромные суммы. Гетто давало приют людям многих языков и нарекчий – испанцам, португальцам, грекам, итальянцам, немцам, левантийцам – как и город.

Гетто было жестко организовано и контролировалось еврейской верхушкой, которая следовала примеру венецианских аристократов. На праздник Пурим евреи надевали маски и костюмы совершенно венецианского фасона. Этот праздник считался еврейским карнавалом. Обитатели гетто отличались умением петь и играть на музыкальных инструментах, как, впрочем, и венецианцы. К началу XVII века в стенах гетто была даже Музыкальная академия. Евреи устраивали изысканные театральные представления. Множество еврейских женщин одевались по последней моде – в бархат и плюш, вельветин и кружево. Они были насквозь венецианизированы, то есть настолько, что строгие раввины порицали их за мотовство и чувственность. Гетто сделалось второй Венецией.

В этом одна из загадок города. Он без труда повторял себя во всех самых разных своих районах и учреждениях; его природу и структуру бесконечно воспроизводили, возможно, неосознанно преклоняясь. Каждая из общин в составе Венеции, будь то ремесленная гильдия или мастерская, становилась республикой в миниатюре. Город был настолько силен, что его образ стал притягательной парадигмой. Тысячи городов, сливаясь, составляли город Венецию, подобно тому, как тысячи языков пламени создают костер.

Сами евреи не презирали гетто. Оно стало их домом, убежищем, тем, чем Венеция была для первых поселенцев. Оно сделалось для евреев местом отдохновения. Испанские и португальские евреи, к примеру, были счастливы найти здесь пристанище. Гетто превратилось в центр иудаики и центр еврейских издательств в Европе. Здесь было средоточие раввинической культуры. Несмотря на дурную репутацию, гетто оставалось для евреев основным местом молитвы и духовности, размышлений над священной судьбой самой Венеции. Оно же защищало от вспышек антисемитизма черни.

В течение дня в гетто находились и иудеи, и христиане, на самом деле гетто таило в себе некую прелесть для части венецианского общества. Правительство Венеции пыталось не допускать участия граждан, скажем, в представлениях в Пурим, но растущие протесты заставляли отказаться от подобных попыток. Некоторые венецианцы к тому же регулярно посещали синагоги, слушая известных или особо одаренных раввинов. В свою очередь, раввины ходили на проповеди в венецианские церкви. Между евреями и венецианцами существовала более глубокая близость, чем они хотели бы признать. У них имелось много сходных черт. Для тех и других очень важны были обычаи и церемониалы. Венецианских аристократов часто описывали как степенных и исполненных достоинства, подобным же образом говорили о еврейских старейшинах. И к венецианским торговцам, и к евреям относились с вульгарной предвзятостью. Их обвиняли в «ненасытной алчности» и в «сговоре с целью всех разорить». Остальной мир верил, что Венеция необычайно богата, хотя любой ценой старается скрыть это. Против евреев подобные обвинения выдвигались во все времена. К венецианцам и евреям в мире относились одинаково. И тех, и других ненавидели.

Но при всех издержках в Венеции были терпимы к евреям, как нигде в Европе. К евреям относились терпимо, возможно, потому что они приносили доход. Не следует забывать о принципе коммерческого расчета, пронизавшем жизнь Венеции. Евреям разрешалось открывать торговые заведения только при условии уплаты высоких пошлин. Торговля, которая пришла в Венецию благодаря еврейским купцам и лавочникам, приносила огромную пользу венецианцам. Родня венецианских евреев зачастую отправляла в этот город свои капиталы. Во времена частых кризисов на гетто ложилось бремя высоких налогов. В первые десятилетия XVII века считалось, что общий доход, полученный от гетто, равнялся примерно 220 000 дукатам, сумма гораздо большая, чем любая собранная в венецианских заморских материковых колониях.

Но важны не только налоги и дукаты. Есть и нечто более возвышенное. Знаменательно, к примеру, что и венецианцев, и евреев отличали священное почитание Закона и святая вера в свой народ. И те и другие были озабочены судьбой родной территории как общинного наследия. И те и другие полагали, что их Своды законов представляют собой договор между Богом и людьми. И те и другие чтили своих предков и с необычайным уважением относились к обычаю и традиции. Евреи знали, что зависят друг от друга, и общественная жизнь считалась даже более священной, чем частная, — из-за общей цели и необходимости самосохранения. Разве это не напоминает венецианское государство? Эти две культуры были отражением друг друга.

Глава 6

Вопреки природе

Некогда в Венеции было множество садов. В XVI веке их насчитывалось пятьсот, уютно расположившихся в городе и живущих своей свежей, полной чудесных ароматов жизнью. Однако Казанова в XVIII веке замечает, что «сад в Венеции редкость». В середине XX века, судя по подсчетам, их сохранилось всего шестьдесят. С тех пор это число могло уменьшиться. Но в Венеции все еще есть сады, уединенные и тихие, защищенные стенами и воротами, зеленые оазисы в каменной жизни города.

В прежние времена в маленьких садах росли лиственницы, кипарисы или лавры. В больших садах были разбиты цветочные клумбы, посажены аллеи фруктовых деревьев, на которых висели клетки с певчими птицами для создания иллюзии идеальной природы. В большинстве садов имелись храмы, фонтаны, тщательно спланированные веранды. По улицам и площадям плыл аромат фруктов, жасмина и вечнозеленых вьющихся роз.

Любовь венецианцев к цветам можно сравнить только с их любовью к зданиям. Здесь были разносчики-продавцы гладиолусов и тюльпанов, других цветов, выращенных на материке.

Описывая их в 1623 году, сэр Генри Уоттон создал новое английское слово *florist* (цветочник). Оно легко вошло в словарь. В день Святого Марка у молодых венецианцев было в обычае дарить возлюбленной розовый бутон. В запечатленных на холсте изображениях Венеции XV века видны бесчисленные горшки гвоздики, загромождавшие подоконники. Но вкусы меняются. В первые десятилетия XX века цветком Венеции стала аспидистра. Здесь был все же один местный цветок. *Fiore di barena* (цветок отмели, что на лагуне), одевающий болота фиолетовым плащом. Он оставался символом тех времен, когда Венеция была всего-навсего частью дикой, нетронутой природы.

В самой лагуне были острова-сады. В XV веке преобладали виноградники и монастырские сады. Остров Джудекка до последнего времени был раем для садов. На острове Торчелло росли виноградные лозы и гранаты, олеандры и акации, фиги и бузина; он обладал плодородной почвой, подходящей для маиса и артишоков. Когда-то оливковые деревья росли по всей Венеции. Остров Кастелло, где стоит кафедральный собор, некогда назывался Оливоло. Оливковое масло было прибыльным товаром.

Но в городе не имело смысла возрождать или обновлять роскошество флоры. Ведь венецианцы предпочитают растительности мрамор. В Венеции место природы заняла архитектура. Она намекала на природу самым благочестивым и утешительным образом. Это одна из тайн венецианского строительства. Камень зданий приобретает форму листьев и ветвей. Сотни колонн Святого Марка составляют священный лес. Дерево становится камнем. Камень становится деревом. Большие дома можно также сравнить с коралловыми рифами.

Чтобы воссоздать природу, необходимо искусство. Среди венецианских живописцев начала XVI века существовала мода на пасторальные сцены. Но мир природы изображался без жизни, нетронутым и ненаселенным. Здесь есть овцы. Есть живописные сельские дома. Есть леса и родники. На переднем плане нимфы и пастухи. Однако внутренняя реальность сельской жизни остается нераскрытой. Трава изображается, как, скажем, если бы это был бархат. Правда, на венецианских мануфактурах производили бархат, напоминающий траву.

Природную жизнь города скорее можно было вообразить, чем увидеть. Почувствовать под слоями камня. Байрон называл Венецию «самым зеленым островом своего воображения» – парадокс, который мог создать только он. Героя новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции» (1912) – Густава Ашенбаха – посещает видение: «Ландшафт... тропические болота... подобие дебрей первозданного мира, с островами, топями, с несущими ил вод-

ными протоками». Это Венеция в ее первоначальном виде. Но такого города больше никто не увидит.

Какие животные населяли этот каменный город? Когда-то здесь паслись овцы и быки. Бродили лисы и даже волки. По улицам Венеции двигались кони и мулы. В 1177 году мул вез на себе Папу Александра III по улицам Венеции, а в 1361 году дож с одиннадцатью аристократами въехали в город верхом на лошадях. Венецианцы с давних времен славились искусством верховой езды и не оставили этого занятия по сей день. В 1310 году для подавления заговора против дожа на площади Святого Марка собрались восемьдесят всадников. На этой площади происходили спортивные состязания. Присутствовавший на одном из таких выступлений Петрарка заметил, что венецианцы своим искусством верховой езды и владением оружием могли бы сравняться «с самыми жестокими воинами мира». До запрета эдиктом 1359 года устраивались скачки по мосту Риальто. Одними из основных звуков в городе были стук копыт и лошадиное ржание. Однако это не продлилось долго.

В 1611 году английский путешественник Томас Кориат записывает, что во всем городе встретил только одну лошадь. В конце концов, вышел указ о запрете появления лошадей в городе. Там просто не хватало места, а распространение каменных мостов со ступеньками стало следующей помехой.

Лошади в Венеции были так редки, что в 1789 году миссис Трейл видела вереницу горожан, выстроившихся в очередь, чтобы посмотреть на чучело лошади. А к XVIII веку над венецианскими аристократами смеялись из-за того, что они умели кататься только в гондоле. Это показывает, что при отсутствии практики природное умение исчезает. В городе можно увидеть лишь лошадей, застывших в металле. Четыре бронзовых коня на фасаде Святого Марка, трофей войны из Константинополя, — символ города, где естественная жизнь заканчивается.

В Венеции были и остаются популярны кошки и собаки. Когда-то город был полон сторожевых и охотничьих собак, их использовали в лагуне. Но спустя столетия в Венеции остались относительно небольшие, комнатные собачки, вполне соответствующие городскому пространству. Собакам нравится, в частности, запах старого камня. У них явно выраженное ощущение территории, как и у венецианцев. Венецианские живописцы любили собак. Их присутствие на холсте нравилось Карпаччо. На одной из его самых известных картин, которая теперь находится в Сан-Джорджо дельи Скьявони, маленький терьер выжидательно смотрит на Святого Иеронима (или, возможно, Святого Августина), застывшего в молитвенном экстазе. Естественное ошеломленно смотрит на сверхъестественное. Карпаччо также рисовал собак на страже, собак спящих, собак на верандах и собак в гондолах. Собаки принадлежали не только аристократам. Почти в каждом номере местной газеты *Gazetta Veneta* в XVIII веке содержатся объявления о потерянных собаках. Венецианцы держали собак как один из символов большого мира природы, мира, которого они лишились в борьбе за выживание. В современных *vaporetti* собак перевозят в намордниках.

Котов в Венеции воспринимали как «маленьких львов». Они — часть этой территории. От природы они ленивы. Но и наблюдательны, и могут провести большую часть дня просто глядя вокруг. Но коты, в отличие от большинства пород собак, не любят воду. В разных районах города и по сей день встречаются группы одичавших кошек. Они наводняют Рыбный рынок. Их можно увидеть на карнизах, на ступеньках, под мостами, на площадях. Особенно много кошек на *campo* Сан-Лоренцо. Разумеется, они полезны тем, что ловят крыс. Крысы — одно из проклятий Венеции, хотя они на удивление редко упоминаются в литературе об этом городе. В Венеции существует поговорка: «В каждом доме есть крыса», что означает примерно то же, что «В семье не без урода». Но поговорку можно воспринимать и буквально.

Именно успехи кошек в борьбе с этой напастью скорее всего породили венецианское суеверие: тот, кто убьет кошку, в течение года умрет, а с тем, кто покалечит кошку, произойдет

несчастье. Это не останавливало закоренелых ненавистников кошек. В республике бывали внезапные таинственные вспышки отравлений и существовал странный ритуал, в котором кошку, привязанную к доске, венецианская толпа убивала, «бодая» головой.

Тем не менее в республике всегда воспевали животных и птиц. Живопись позднего Средневековья и раннего Возрождения полна изображений животных. Карпаччо и Кривелли, Тинторетто, Веронезе, Беллини рисовали котов и собак, соколов, оленей и фазанов. Тициан изображал белых кроликов. В любом случае, существовало желание постичь мир природы, который в действительности был недосыгаем, и чем он был неуловимее, тем горячее его любили.

По всей Венеции можно было увидеть вольеры и клетки с поющими птицами, еще одно напоминание о существовании где-то в других местах природной жизни. Любимцами были ярко окрашенные птицы – попугаи, канарейки и зяблики. Всех этих птиц, разумеется, привозили. В XVI и XVII веках на Мерчери аптекари для рекламы своей профессии держали клетки с соловьями. Джон Ивлин в XVII веке писал, что «закрыв глаза, можно представить себе, что ты за городом, в то время как на самом деле находишься посреди моря». Погоня за природой была для венецианцев способом забыть о неестественном и рискованном положении, в котором им приходится жить.

Роберту Браунингу нравились в Венеции XIX века чайки. Эти птицы редко упоминаются в хрониках города, хотя чаек, наряду с серыми журавлями и дикими утками, следует считать коренными птицами лагуны. Они тоже были частью мифа города, ведь именно полет птиц привел первых поселенцев к островам лагуны. Существует легенда, согласно которой голуби с площади Святого Марка – прямые потомки тех, кто был в стае, за которой следовали изгнанники из города Одерцо, убегая от варваров. Ласточки дарят совсем другое благо. Они появляются летом и истребляют москитов – бедствие стоячих вод.

Приезжающие в Венецию непременно видят голубей. Те, что живут на площади Святого Марка, – самые избалованные и самые охраняемые птицы в мире, они неприкосновенны. Во время морозов или сильных ливней они буквально сбиваются в кучу, налезая друг на друга, создавая и удерживая тепло. Они знают, что им не грозит опасность со стороны хищников и что их никто не побеспокоит. У них выработалась единственная в своем роде форма поведения, характерная для животных на уединенных островах в далеком море.

Голуби защищены древней традицией, священной в Венеции. Рассказывают, что некогда в Вербное воскресенье голубей выпустили из базилики Святого Марка, привязав к лапкам небольшой груз. Стесненные в движениях, они стали легкой добычей для обеденного стола венецианцев. Но часть птиц каким-то образом избежала гибели и нашла убежище в нишах и на уступах собора. Так они получили защиту благодаря вмешательству самого святого. После этого голуби стали культовой птицей. История продолжается. Дневную норму корма им предоставляют из государственного зернохранилища (подобный обычай существовал в Персии и на юге России), а побеспокоить их или ранить каким-либо образом считается правонарушением.

Сейчас в городе сорок тысяч «голубей Святого Марка». Зерном для них торгуют девятнадцать венецианских семей. Этой божественной раздачей пищи наслаждаются птицы, к которым Элизабет Барретт Браунинг обращалась как к «священным голубям». В течение последних лет было предпринято несколько попыток ограничить их число, так как они представляют собой угрозу здоровью горожан, а их помет разъедает драгоценные камни города. Их травили, ставили ловушки, даже применяли противозачаточные средства. Все попытки провалились. Голуби на площади Святого Марка с тех пор, как она была создана. Почему они должны покинуть ее сейчас? А если их удалят, станет ли площадь благороднее или безопаснее? Вопрос спорный. Трафальгарская площадь в Лондоне теперь, когда ее голуби изгнаны,

кажется оголенным и даже пустынным пространством. Птицы – часть души места. Они – оживший серый камень, ставший мягким на ощупь.

Существовало множество способов, которыми Венеция боролась с природой. Ее душа и бытие были отданы битве с морем, и вечное соперничество, видоизменяясь, проникло во все остальные сферы городской жизни. К примеру, венецианцы стали удивительно искусными, «принуждая» растения. Они умели заставить цвести розы и левкои не в обычное для них время года, их розы чудесно пахли и в январе. В первой половине XX века у венецианцев было обыкновение красить цветы: на продажу шли оранжевые и голубые розы или розовые и фиолетовые маргаритки. Это, несомненно, примеры очень давней практики. Любовь венецианцев к цветам хорошо известна. Почему бы не распространить то, что было на холсте, на более эфемерный мир?

Венецианцы были очарованы идеей регулярных садов, предпочтение отдавалось самым сложным. На их виллах на материке, около Бренты, сады были симметричными, с разнообразными водоемами, фонтанами и скульптурами в гротах и пещерах. В оранжереях росло множество редких привозных растений, а живые изгороди подстригали в форме лодок или животных. Мраморные статуи, изображавшие нимф и богинь в натуральную величину или большего размера, красовались на фоне пасторальных ландшафтов, модных в начале XVI века. Для той поры характерен всеобщий интерес к садоводству, стремление контролировать и совершенствовать мир природы. Под контролем находилось все. Венецианские аристократы наслаждались победой над природой – или скорее своим прирожденным умением манипулировать ею в собственных целях. Кроме прочего, это был основной урок истории республики. Тонко, но осязаемо город демонстрирует неоднозначную область между естественным и искусственным, наводя на мысль о том, что может существовать некая третья данность.

Глава 7

Камни Венеции

Венеция скорее город камня, чем земли или, скажем, листьев. Не делает ли это ее нереальным городом? Освальд Шпенглер в начале XX века полагал, что развитие цивилизации характеризуется переходом от растения к камню. В этом отношении Венеция может считаться самым цивилизованным городом. С XV века, когда деревянный город стали постепенно сносить, Венеция сделалась маленьким царством камня. Ее надежность и стабильность казались еще ощутимее оттого, что ей приходилось взаимодействовать с водой.

В Венеции нет природного камня, его покупали. Или крали. Такое случалось в прошлом плавучего города. Был период, когда после взятия Константинополя каждый корабль, плывущий из этого города в Венецию, должен был взять груз камня. Он использовался в качестве балласта. Но в большинстве случаев камень приходилось покупать. Мрамор Венеции прибывал из Каррары и с острова Парос. С Эуганских холмов привозили трахит, он использовался для мощения *calli* и *campi*. Темный или красноватый камень ввозили из Вероны, в нем были вкрапления гальки и обломков более твердого камня, напоминавшие острова, разделенные проливами. Более легкий камень из Вероны, розовый и серый, может менять тон в зависимости от времени года и освещения. Он необыкновенно подходит городу. Розовый гранит и порфир привозили из Египта. В ход шел и камень от старых церквей и домов на островах лагуны. Камень настолько ценился, что его использовали опять и опять. В непрерывном процессе возрождения основой для новых зданий служили развалины. Плиты с римских могил становились частью стен христианских церквей. Алтарь богу солнца из Аквилеи был использован в баптистерии Святого Марка. Можно сказать, что Венеция была построена на античности. Она приютила прошедшие века.

Встречались и более экзотические камни. Венецианцы любили колористические эффекты агата и малахита, аметиста и сердолика. На фасаде *Ca' d'Oro* (Золотого дома), дворца на Большом канале, использован ультрамарин, изготовленный из порошковой ляпис-лазури, доставленной из Бадахшана. Венецианцы любили цветной, с прожилками камень – зеленый порфир и черный гранит, камень с красноватыми полосами на белом фоне, камень с белыми полосами на оранжевом фоне. В соборе Святого Марка более пятидесяти видов камня.

Но основной камень Венеции добывали в Истрии. Камень из Истрии выносил жару и холод, легко поддавался обработке и, что самое важное, напоминал родственный ему мрамор. Отполированный, он был едва отличим от мрамора. Очередной пример венецианской страсти к «видимости». Этот камень использовался как фундамент для дворцов и церквей. Использовался для скульптуры, для дверных и оконных рам, для колонн и замковых камней, для набережных и щитов гербов.

Еще один важный камень. Известняк. Он возник под действием моря и представляет собой невообразимую смесь миллионов морских существ. Он – сущность моря. Когда Уистен Хью Оден в «Хвале известняку» (1939) изображал известняковый пейзаж, ему слышался шепот подземных ручьев. Известняк неразрывно связан с жизнью и историей воды. Мрамор тоже известняк, затвердевший и настолько изменившийся, что может лучше противостоять воздействию морского воздуха. Вот почему его чаще всего используют для фасадов церквей и дворцов. Так море, пройдя ряд метаморфоз, стало камнем Венеции. Известняк светится внутренним светом океана. Он блестит. Он сияет. Он мерцает. Город не раз описывали как мраморный лес, вытянувшийся кверху, выросший из окаменевших деревьев, лежащих в его основании. Рёскин посвящает целые страницы книги с точным названием «Камни Венеции» (1853) описанию листы и цветов, изваянных из камня, эти украшения настолько тща-

тельно выполнены, что каждый каменный виноградный лист отличен от остальных. Ветки и переплетенные усики, листья и грозди винограда в различных положениях, каждая жилка листа скопирована точно. Это способ не только запечатлеть природу, но и спародировать ее.

Венецию посещают из-за ее камня. Потому что для путешественника это скорее город зданий, а не людей. Жизнь города – это камни. Здесь существует традиция священных камней. В фасады дворцов вделаны византийские каменные кресты. В стенах многих церквей и домов обнаружены композиции из овальных камней и каменные кресты. Над готическими дверными проемами, как правило, размещен каменный тимпан – треугольное поле фронтона с вырезанными на нем ангелами или святыми.

Камень был способом воплотить дух. Здесь есть камни веры и камни текстов – с цитатами из Библии, помещенными на притолоке; есть камни закона, на которых вырезаны правила и указы; есть камни наказания – места публичного суда и казни; есть камни бесславия, отмечающие места предательства и бесчестия, – так, текст на каменной колонне сообщает, что она «была воздвигнута для публичного обозрения, чтобы устрашать некоторых и служить вечным предупреждением всем». Эти символы восходят к очень давним временам, к первобытной вере в камень как изображение бога; вере, существующей в таких различных культурах, как культура Индии и кельтской Европы, Меланезии и Северной и Южной Америки. Эти верования сохранились благодаря особым обстоятельствам плавучего города. Драгоценные камни были в то же время и магическими. Рильке как-то назвал Венецию каменной сказкой.

Венецианские живописцы расточали свое богатство красок и свою фантазию камню. У Карпаччо и Веронезе, Беллини и Тинторетто есть картины с перспективой, открывающей вид на каменоломни, карьеры, залежи камня. Это пейзаж их воображения. Художники с глубоким почтением относились к общественным зданиям Венеции. Их объектами были лестницы и колонны, коридоры и башенки. То же внимание лежит в основе позднейшего детального воспроизведения Каналетто городской архитектуры. Живописное полотно Каналетто «Двор каменотеса» (около 1730) – раздумье о силе и возможностях камня. У его полотен, как правило, кирпично-красный фон.

У Венеции была тайна. Ее можно представить как город, сложенный из кирпича, и это будет верно. По большей части дома построены из кирпича, искусно облицованного мрамором или оштукатуренного. Это иллюзорность в самом глубоком смысле. Дворцы построены из кирпича. Церкви и жилища – из кирпича. На самом деле это город обожженной глины, изъятый из материковой земли. Но он одет в мрамор и известняк в знак преклонения перед морем, а не перед землей.

Кирпич и камень венецианских зданий иногда сравнивают с плотью и костяком человеческого тела. Свечение известняка уподобляют свечению плоти. Да, камни могут жить и двигаться. Камни Венеции кажутся легкими. Здания насыщены воздухом, готовы подняться с места стоянки и взлететь в небеса. Когда рассказчик в прустовском «Обретенном времени»

(1927), споткнувшись у входа в особняк Германтов в Париже, возвращается к моменту, когда стоял на двух неровных булыжниках баптистерия Святого Марка, это видение наполняет его ошеломляющей радостью, уничтожая время и пространство в созвучном ощущении прошлого и настоящего. Камни Венеции дарят ему радость и безразличие к смерти.

Камни Венеции окружены множеством легенд и суеверий. В некоторых мраморах прожилки принимают удивительные очертания. Мраморные плиты распиливают таким образом, чтобы выявить богатую текстуру материала. На двух плитах из облицовки внутренних стен собора Святого Марка в рисунке прожилок можно увидеть бородатого отшельника с молитвенно сложенными руками. Едва ли в этом здании найдется камень, который не был бы освящен легендой или каким-то слухом. Здесь можно найти скалу, из которой Моисей добыл воду. Здесь есть камни, по которым ходил Христос или на которых запеклась его кровь. У

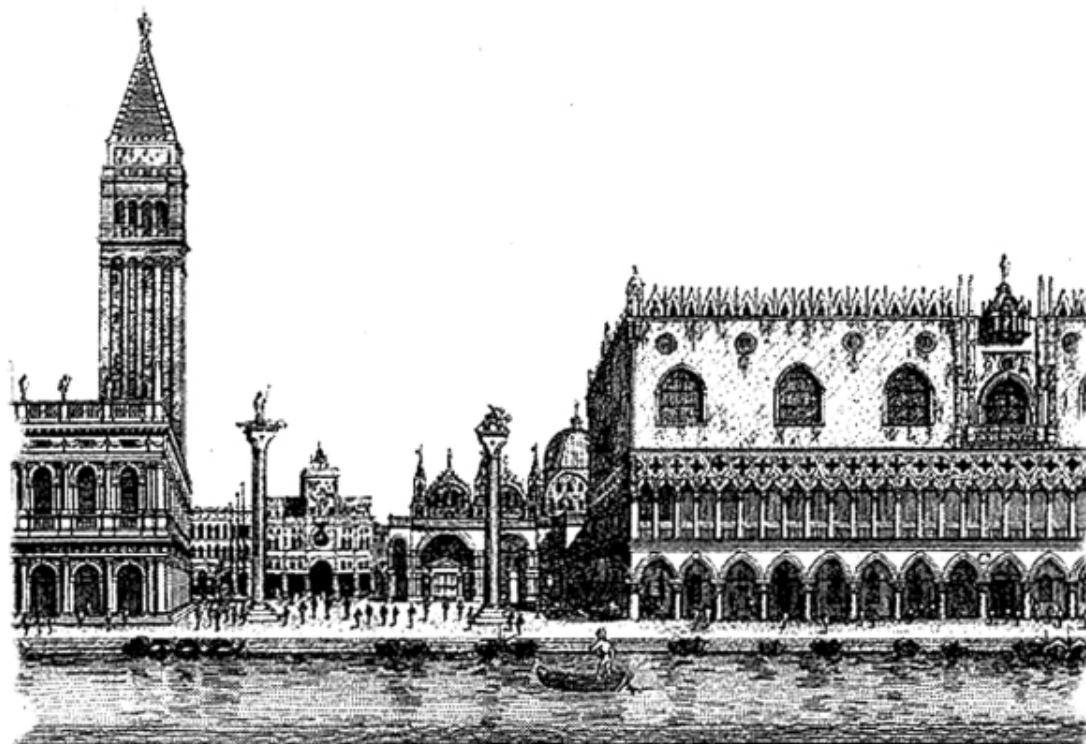
южной стены базилики, обращенной к piazzetta, стоят две группы фигур из порфира. Считается, что это четыре сарацина, которые были обращены в камень при попытке украсть из базилики ее святыню.

В другой части Венеции, на Салидзада дель Пиньятер, на самом верху арки низкого портика находится кирпичное сердце, если его коснутся влюбленные, их страсть будет вечной. Статуи могут сдвигаться с места или исчезать. В ночь Страстной пятницы статуя Иуды с церкви Мадонна дель Орто, как говорят, летит в Иерусалим, ее сопровождают каменные изображения Правосудия и Веры с крыши той же церкви. Статуя купца, которую и сейчас можно увидеть перед одним из домов в Венеции, как рассказывают, в феврале, когда воздух холоднее любого камня, плачет. Добрые и невинные люди, коснувшись рукой груди купца, слышат биение его сердца. Во множестве городских легенд можно заметить один из главных страхов венецианцев – страх оживающего камня. Существуют истории об оживших каменных львах, о колдунах, которые могут обратить камень в живое существо, об одной из колонн Святого Марка, из которой туманными ночами сочится кровь.

Если Венеция превратила природный мир в камень, то, возможно, ее тайным стремлением было желание обратить чудо вспять и снова стать живой и плодоносящей. Камни выражают стремление к смерти, эту тенденцию и эту жажду можно обнаружить в любом городе. Бог создал мир природы, как учили венецианцев, а город создало человечество. После убийства Авеля Каин стал основателем первого города. В городах воплощены проклятие и разрыв связей с природой. Венеция – олицетворение этого.

III

Государственный корабль

Глава 8

Пусть живет в веках!

Молясь на площади Святого Марка, всегда призывали святого покровителя города: «Марко! Марко!» Один из величайших теологов Венеции, Паоло Сарпи, на смертном одре прошептал: *Esto perpetua!* (Пусть Венеция живет в веках!) Ко времени, когда прозвучало его благословение, в 1623 году, город уже не только по названию был государством, он стал им благодаря своим делам. Абстрактная идея государства возникла в первой половине XVI века, но идея общего блага, безусловно, гораздо более древняя. Именно идея общего блага создала Венецию.

Первое упоминание о *commune Venetiarum* можно увидеть в начале XII века, когда городские сановники пытались искоренить власть дожа и народа. Начиная с этого момента, мы можем составить график усиления бюрократического государства с его администраторами и дипломатами, правителями и законами. Местные связи приходов и *contrade* (кварталов, территориально совпадавших с приходами) с уменьшением числа религиозных церемоний, предназначенных для их прославления, слабели; вместо них возникло понятие единого, объединенного города, выражавшееся в многочисленных общественных работах и менявшееся в результате исполнения государственных указов. Создавалась новая форма городской жизни – более эффективная, но более безличная. Общественный порядок утверждался и контролировался обществом.

Когда-то люди создали этот город, теперь этот город создавал людей. Или, вернее, люди, жившие в Венеции, теперь идентифицировали себя в пределах города. Частное делалось общественным. Город стал общностью. Некоторые преступления, к примеру, определялись как «противостояние общественной воле», так происходило объединение людей с городом. Самое позднее к XV веку можно отнести формирование Венецианского государства. Оно известно как Синьория, что приблизительно обозначает «владычество», «власть».

Каким образом этот город стал государством и на деле предшественником современного государства? Это запутанный вопрос, он связан со сложными ритуалами выражения самосознания и общественного самоуважения. Государство возникает вместе с хорошо контролируемой системой общественных денежных отношений, поддерживаемых такими механизмами, как кредит и переводной вексель. Несколько самых первых банков в мире открылось в Венеции. Первые ссуды были выданы в этом городе в 1167 году. «Банко дель Джиро» был основан в 1619 году. Государство не может выжить без внутренней стабильности, определяемой законом. Венецианцы всегда гордились сущностью своего правосудия, несмотря на пороки в управлении городом. Но законом, лежащим в основе всех законов, как говорил английский посол в начале XVII века, были государственные интересы. Государство было вечным. Государство было источником нравственности. Оно обладало византийской неумолимостью и престижем.

Однако следовало считаться с практическими проблемами. Государство нуждалось в элите в широком смысле, элите, которая будет осуществлять власть, по видимости, в интересах всех. К концу XIII века правление Венецией перешло в руки аристократии, что было закреплено законом. И, разумеется, надежность Конституции была важна для безопасности торговли. Власть и торговля были неразделимы. Общее управление нуждается в бюрократии для наблюдения за такими вещами, как здравоохранение и общественный порядок.

Бюрократия в Венеции была одним из чудес западного мира. Все должно было фиксироваться, оставлять след на бумаге, об этом свидетельствуют переполненные архивы современной Венеции. В то время, когда другие города или другие народы обладали лишь зачаточной внутренней организацией, Венеция представляла собой образец глубоких адми-

нистративных познаний. В Венеции перепись населения проводилась чаще и была организована толковее, чем в любом ином городе. Якоб Буркхардт в «Культуре Италии в эпоху Возрождения» (1860) писал, что «Венеция с полным правом может притязать на то, чтобы считаться местом рождения статистической науки». Любой аспект социальной и культурной жизни был подробно регламентирован. Даже продажа фруктов на площади Святого Марка и цветов на ступенях базилики проверялась и контролировалась. Возникновение бюрократии помогло узнать значение и сложности искусства составления отчетов и соглашений, текстов, игравших большую роль в формировании того, что получило название «гражданский гуманизм». Разумеется, в реальной практике искусства управления государством всегда присутствовали в больших дозах оппортунизм и коррупция, релятивизм и прагматизм, они расцветали еще сильнее, потому что их легко было спрятать за внушительными процедурами публичного управления.

Государство нуждалось в критериях послушания своих граждан. Город мог выжить при буйных или враждебно настроенных гражданах – каким-то образом он процветал при них, – но в начале существования венецианское государство нуждалось в критериях внутреннего контроля. Ни один город не преуспел более, чем Венеция, в управлении собственными гражданами. Дож и различные советы в буквальном смысле практиковались в искусстве власти. Любые оскорбительные слова или то, что мы могли бы сейчас назвать «преступные речи», преследовались как преступление *contra honorem huius civitatis* (против чести этого государства) – и карались тюремным заключением. Иностранцев, которые пренебрежительно отзывались о Светлейшей, изгоняли. В секретной переписке венецианского дипломата, опубликованной Альфредом де Мюссе в середине XIX века, обнаружена запись: «Выплатить синьору А. сумму в пятьдесят скудо за убийство синьора С., который нелестно отзывался о республике Венеции».

Такому государству должны были служить венецианцы. Оно уверяло, что завещано своим гражданам их прилежными предками, что они должны ценить его выше собственных жизней. Обязанность сохранять его была честью. Ключ к Венеции именно в этом – сохранение. Город с самого начала был чудом сохранения и ощущал необходимость снова и снова обращаться к этой идее. Он находился в угрожаемом положении, в постоянной боевой готовности, как провозглашают эдикты, он нуждался в объединенном и послушном корпусе граждан, готовых поддержать его. В этом причина относительного спокойствия Венеции на протяжении веков, с основания города. Сила исходит от города, сознающего необходимость коллективного выживания.

Но это государство возникает из осознания и прославления власти. Венеция стала мощной, потому что ее непосредственные соседи были слабы; по соседству на материке не было города, способного бросить вызов ее власти. Но, в конце концов, она стала государством-городом, зависящим от своего господства над другими городами. Это всегда было вопросом не природной территории, очерченной реками и горами, но конфедерации отдельных городских объектов. Венеция создала империю городов в Северной Италии, то выигрывая, то проигрывая, то подвергаясь изменениям.

Перед нами предстает образ в высшей степени властного, очень хорошо организованного и исключительно эффективного предприятия. Возможно, это не соответствует современной картине прекрасного и спокойного, если не сказать сонного, города, но это необходимая предпосылка его современного вида. Венеция существует сейчас и всегда будет существовать, потому что когда-то она была такой.

Так Синьория стала объектом мирской религии, ее почитали и поминали буквально в сотнях общинных ритуалов в течение всего года. Большая бюрократия была создана именно для того, чтобы организовывать и проводить эти праздники. Даже во время осады в 1848

году, окруженная австрийскими войсками, Венеция едва ли месяц или даже неделю проводила без праздника или карнавала. Это в крови ее граждан.

Венецианцы органически склонны к зрелищам. Сам город был словно предназначен для тщательно продуманных церемоний, на площади Святого Марка, арене действий, обменивались приветствиями и дарили друг другу подарки. Не допускающий отклонений обычай и соблюдение принятых формальностей гарантировали порядок церемоний. Различные группы несли разного цвета свечи. Плавню двигавшиеся флаги имели собственный код: белый, когда в Венеции царил мир; зеленый, когда наступало перемирие; красный, когда объявляли открытые военные действия.

Процессия дожа читалась, в частности, как венецианская государственная структура в движении. Это было живое воплощение священного и мирского правления. В других городах и других государствах, судя по словам миланского наблюдателя в 1494 году, «в момент, когда проходил князь, все кругом шли беспорядочно, как попало». Но в Венеции «все шли в лучшем, какой только можно себе представить, порядке». Существовали гравюры и живописные изображения всей церемонии, где роль каждого участника ясно определена его позой или костюмом.

В XVI веке Маттео Паган выполнил замечательную серию из восьми гравюр на дереве, детально изобразив участников процессии. Здесь были восемь знаменосцев, за ними следовали несколько судебных чиновников, шесть музыкантов, извлекающих звуки из серебряных труб; здесь были послы иностранных государств, за которыми шли представители дожа. Затем опять музыканты, а вслед за ними — чиновники ниже рангом, наподобие клерков и нотариусов. Процессия делилась на три большие группы, в которых религиозные деятели и государственные власти располагались взвешенно и сбалансированно. Это была процессия не частных людей, а должностных лиц. В середине шел дож, центр был средоточием власти. Расходясь от центра, в процессии в должном порядке двигались представители разных классов и церковной власти. Граждане шли перед дожем по восходящей шкале рангов, аристократы за ним, по нисходящей шкале рангов. Некоторые отмечали, что аристократы явно выглядели благожелательными, много улыбались. Царила атмосфера спокойствия и безмятежности.

Великолепными процессиями отмечались и некоторые события венецианской истории. Эти процессии не всегда носили духоподъемный характер. На празднике Эпифании, 6 января, несколько гребцов, одетых, как старухи, с привязанными к носу морковками, волоча за собой старые чулки, устраивали гонки гондол к мосту Риальто. В Жирный четверг в феврале гильдия слесарей ритуально забивала на площади Святого Марка быка и нескольких свиней. В дальнейшей части церемонии дож и часть сенаторов атаковали с помощью посохов и опрокидывали несколько сколоченных на скорую руку деревянных замков. Церемония воспроизводила победу Венеции над Аквилеей, городом, выходцы из которого основали Венецию. Что это, политика, преобразившаяся в игру, или игра как форма политики?

Были и другие празднества, во время которых дож посещал различные кварталы. Когда он приходил в приход Санта-Мария Формоза, ему вручали шляпу из позолоченной соломы, бутылку вина и несколько хлебов. В завершение церемонии к церкви приносили двенадцать деревянных женских статуй и забрасывали их репой. Говорят, что этот ритуал восходит к случаю, когда двенадцать венецианских девушек были похищены пиратами, а затем спасены молодыми людьми этого прихода. Все это совершенно неправдоподобно. Скорее всего здесь отражен древний период венецианской жизни, когда молодые женщины из богатых семей выходили замуж в один день, и это было частью ритуала плодородия. Что ж, фольклор и празднества иногда принимают неожиданные формы. В Венеции существует обычай называть холодную или надменную женщину «деревянная Мария». Слово «марионетка», возможно, имеет тот же источник.

В Венеции было так много праздников, что иногда на один день их приходилось несколько. Это стало сущностью города. Церкви занимали центральные точки, где происходило взаимопроникновение театра и благочестия. Публичные пространства становились церемониальными осями, частью огромной геометрии священного города. Это было общество зрелищ. Земля и вода соединялись во множестве празднеств. Зрительно и эмоционально различные *sestieri* (районы) тоже сливались в одно целое в актах благоговения или празднования, процессии демонстрировали коллективные надежды города, так же как увековечивали в памяти коллективный опыт города. Ритуал обещал целостность и гармонию. Ритуал присутствовал и в формировании понятия времени в городе, где следовали скорее церемониальным законам, чем ежедневному круговороту часов и минут. Ритуал помогал кодифицировать и идентифицировать прошлое. Возможно, существовали и менее возвышенные аспекты этого представления.

Пышные зрелища производили впечатление на иностранцев и послов демонстрацией солидарности и богатства венецианцев. Эти праздники, как и праздники в современной Венеции, помогали приманивать туристов к всегда привлекательным торговым площадкам города. Венецианцы никогда не упускали возможности заработать деньги. Та же практичность стоит за празднованием карнавала и, разумеется, за всеми художественными и кинематографическими Биеннале недавнего времени.

Празднества в большой мере втягивали в игру весь город. Живописные полотна XVI и XVII веков показывают, что окна и балконы домов задрапированы узорчатыми коврами. На множестве украшенных низких платформ на колесах и колесниц располагались основные добродетели или святые покровители города, там демонстрировались образцы декоративной архитектуры, слышались музыка и пение. Здесь были живопись, скульптура и декламация. Здесь были сцены или подмостки для театральных представлений, в которых аллегорически изображались текущие политические события. На празднике «Семпитерни» в 1541 году по Большому каналу плыла на гондолах круглая расписанная красками «Вселенная», внутри которой шел бал-маскарад. Пышные празднества были способом осмыслить жизнь как форму искусства. Это свидетельствовало об очень высокой форме народного сознания, ведь в празднествах участвовали все слои венецианского общества.

Население Венеции размеренно двигалось по священным маршрутам, причем каждый знал свое место в общем мероприятии. К тому же существовала надежда, что *popolani* (простолудины) в общем радостном настроении забудут, что свободы, которыми они когда-то обладали, утрачены невосвратно. Зрелище было, разумеется, еще одним способом обеспечить социальный порядок. Тот же миланский наблюдатель в 1494 году сообщает: «Один-единственный человек, показалось мне, руководит всем, и все ему повинуются без малейшего протеста». Только жреческому обществу, наподобие египетского или древне-мексиканского, удавалось достичь подобного порядка. Один из замечательных фактов относительно Венеции состоит в том, что ее религия таким атавистическим образом держала ее народ. Причина этого – в особом совмещении города с благочестием. Сама почва Венеции, чудесным образом спасенная от мировых вод, была священна. Люди Венеции – часть этой почвы.

Правительство Венеции совершенствовало искусство самопрезентации. Оно сделалось упражнением в стиле, развилось в уникальную форму риторики, с помощью которой все действия и решения государства освящались традицией и получали одобрение Божественной власти. На помощь призывали особое Провидение Венеции, так же как идеи славы, решительности и независимости. Гарантировалось также бессмертие Венеции. Наиболее мягко это можно назвать свойством особо подчеркивать идеальность. Но критически это можно охарактеризовать как умышленное пренебрежение реальностью. Это можно также рассматривать как дымку тонких чувств, не гуще идущего с моря тумана, скрывающую алч-

ность и безжалостность, которыми характеризовалась Светлейшая в большинстве ее отношений с внешним миром.

Ни один другой народ не опирался в такой мере на приемы риторики. Венеция была городом спектакля. Поэзия здесь понималась как вид ораторского искусства. В такой культуре, как в Венеции, по сути своей прагматической, все художественное и литературное образование сводилось к тому, чтобы привить вкус к техническому мастерству риторики. Художественная жизнь города в музыке и в живописи была направлена на то, чтобы стать зрелищем, она подчеркивала то, что демонстрировалось, а не то, что созерцалось или постигалось интуитивно. Слушаем ли мы музыку Вивальди или рассматриваем картины Тинторетто, мы ощущаем искусство эффекта, ослепительного виртуозного спектакля, блистательного празднества. Гладкость живописи Тинторетто и мелодичность произведений Вивальди могут быть поняты и как воплощение риторического канона *coria* (изобилия). Венецианские учебники риторики рекомендуют местную форму красноречия, опирающуюся на сдержанность и правильность поведения, а в методах самого государства должно было существовать *variazione* (разнообразие), чтобы смягчать крайности и предотвращать преобладание какого бы то ни было стиля. Это было частью сдержанности и осмотрительности Венеции.

В трактате XVIII века «Описание нравов и обычаев Италии», приписываемом Джузеппе Баретти и Сэмюэлю Шарпу, отмечается, что «венецианцы очень ценят свое впечатляющее красноречие и считают, что их адвокаты – единственные законные наследники древнеримских ораторов». Судебный адвокат Леонардо Джустиниани в письме, датированном 1420 годом, утверждает, что «нет разновидности случая, нет вида, нет темы, наконец, нет положения искусства в целом (риторики), в котором я не был бы знатоком». С самого раннего времени управление Венецией было настояно на риторике.

Вот почему в Венеции наиболее тонко было разработано искусство дипломатии. Послы Венеции не имели себе равных в умении изящно подать себя, соответствующим образом подчеркнуть свою внешность и манеры. Это были элементы *sprezzatura* (способность создавать эффект, скрывая искусство или умение, которое стоит за ним). Представителям Венеции интуитивно присущи утаивание и двойственная природа.

Венеция была первым городом, постоянно поддерживающим дипломатическое присутствие за пределами Италии – в 1478 году было создано посольство при французском дворе. Светлейшая провозглашала своей главной целью поддерживать мир со всеми, ведь только при этих обстоятельствах торговля действительно процветала. Война годилась для торговли оружием, но не для транспорта с пряностями и другими товарами, которые везли по морю и по суше. Когда в 1340 году Эдуард III Английский пожелал, чтобы Венеция поручилась, что не станет снабжать деньгами его врагов, дож ответил: «У венецианцев нет обычая вставать между участниками диспута или воюющими сторонами, кроме как ради примирения». Венецианцы были опытны в вежливых отказах. Начиная с XVI века их политика была одной из строго нейтральных, без сближения с теми, кто хотел бы втянуть Венецию в дела других государств или городов. Венецианская система правления основывалась на четко обозначенной модели равнозначности и баланса. Казалось, венецианцы применяют те же принципы во внешней политике. Однако в дни политического упадка эта видимая нейтральность подвергалась критике как прикрытие собственной робости и нерешительности.

Венецианская дипломатия была описана как *occhiuta* (глазастая) – то есть благоразумная, осторожная, многословная, примирительная и практичная. Она была замаскирована *dolce maniera* (заимствованный из музыки, и не только, термин, обозначающий мягкость или сладость). Но, скрываясь за этой маской, венецианские послы прощупывали, не обнаружатся ли какие-либо слабости или пристрастия, они не чурались взяточничества и других форм коррупции, они наблюдали за всем, ища чужие обиды, которые можно было бы использовать. Они были мастерами интриги. Они срамливали одно государство с другим,

не испытывая угрызений совести, подстрекали один город против другого, если это служило их целям. Они были бесчестны ради чести Венеции.

Самое известное дипломатическое нововведение венецианцев заключалось в том, что каждый посол, после того как срок его пребывания в должности заканчивался, должен был представлять Сенату доклад. Эти *relazioni* (доклады) несколько не были похожи на другие посольские документы. В них дипломат был обязан «сообщать, если он узнал о стране, из которой вернулся, что-то стоящее, чтобы быть выслушанным и обдуманым рассудительными сенаторами для блага отечества». Обзор включал такие темы, как боевая готовность, экономические условия, здоровье и характер правителя. Следуя принципу «знание это сила», ни одна самая мелкая подробность не оставалась без внимания.

Венеция, в свою очередь, была городом иностранных послов, приехавших добывать информацию. Их приветствовали изысканными церемониями с государственной пышностью. Но это было прежде всего риторикой, а не истинным радушием. Когда сэр Генри Уоттон делал какое-то предложение или заявление дожу, то получал самый туманный ответ, дожу было запрещено законом отвечать сколько-нибудь конкретно, и, по словам Уоттона, он лишь «увязал в общих местах». Так что послам требовались вся имевшаяся у них хитрость и терпение. Уоттон отмечал, что дож и его советники предпочитали медлить и хитрить в государственных делах. Двусмысленность и неясность были основами их поведения. Неплохая политика для мирного времени, но, без сомнения, пагубная в моменты опасности. Возможно, интересно будет узнать, что именно Уоттону принадлежит известная фраза: «Посол это добродетельный человек, посланный за границу, чтобы лгать ради собственной страны». Только атмосфера Венеции могла внушить такую мысль.

Глава 9

Избранный народ

Венеция всегда была городом мифа. Коллективная потребность в поддержке и поиски идентификации привели к созданию образа фантастического города, основанного на идеалистическом представлении венецианцев о себе. В XIII веке в городе существовал замкнутый политический строй, утверждавший единство и неизменность. В XIV веке венецианцы облачились в мантию избранного народа. В начале XV века Венеция воспринимала себя как новый Рим с собственной материковой империей.

Но подлинный миф о Венеции возник в начале XVI века, в годы, непосредственно следовавшие за борьбой, которую город вел против своих врагов, известных как Камбрейская лига, когда Венеции противостояли европейские армии. Поражение Венеции, за которым последовало отвоение большинства ее территорий, имело двойственные последствия. Стало понятно, что город уязвим, но при этом непобедим. Из сочетания тревоги с вновь обретенным спокойствием возникла доктрина, провозглашавшая неизменность и гармонию, которыми обладала Светлейшая. Идея агрессивной и победоносной республики сменилась мифом о прославленном мирном городе. Именно в этот период архитектура города приобретает классические черты. План города становится метафорой порядка и великолепия. Город славится главным образом искусством и музыкой. Рёскин полагал, что миф о народе или племени формулируется во время его предельной мощи. Но это не совсем тот случай. Миф о Венеции был внушен заметной слабостью, которую каким-то образом нужно было скрывать от внешнего мира. Даже после того, как Венеция лишилась власти, она представала перед всеми как гордый и сильный город.

Однако можно различить слагаемые этого мифа. Венецианское государство было основано с помощью чуда и управлялось Провидением. Город был защищен от вторжений извне. Он был неизменен. Он, согласно хронике, прожил тысячу лет «без каких бы то ни было изменений». Любой другой город мира часто или время от времени терял свои свободы, но Венеция никогда не оказывалась под гнетом. В 1651 году Джеймс Хауэлл писал в «Обозрении Синьории Венеции»: «Если бы человеческий мозг был в силах предписывать правила создания Общества и правила Перехода Власти в тех же самых формах Правления, что существуют столько, сколько стоит Мир, Венецианская республика была бы самым подходящим образцом на земле для подражания». Венеция представляла идею собственной вечности.

Это предполагало гармоничное совмещение всех видов правления. Оно было одновременно демократическим, с Большим советом, аристократическим, с Сенатом, и монархическим, с дожем. Идея равновесия и стабильности в самом деле обладает первостепенной важностью для лежащего на море города. И Джеймс Хауэлл мог с полным основанием написать, что Венеция «так же сноровиста в управлении людьми, как в управлении лодкой или гондолой». Город стремился стать истинной республикой свободы. В нем не было ни социальных беспорядков, ни междоусобных войн. Политические дебаты здесь проходили в атмосфере изысканности и благоразумия. То есть это был город, преданный идее общего блага. Здесь не было места личным амбициям или чьей-то алчности. А правители других стран стремились к собственному возвеличиванию и руководствовались требованиями насущной необходимости. Папа Александр VI говорил венецианскому послу в Риме в 1502 году: «Вы бессмертны в том смысле, что ваша *Signoria* (правительство) никогда не умрет. Ее можно сравнить с фениксом, птицей, которая обладает способностью возрождаться». Город обладал самосознанием и был уверен в себе настолько, что превратился в непрерывную аллегория.

Правители Венеции провозглашались воплощением мудрости и братства. На потолочных панелях Дворца дождей они изображены у ног Спасителя или озаренными светом Свя-

того Духа. Считалось, что между ними нет разногласий, все они объединены во имя республики. Они были преданными и справедливыми в своих действиях, никогда не позволяли личным интересам влиять на свои суждения. Они действительно были анонимными служителями Божественного государственного порядка. Вот почему они традиционно одевались в черное (символ власти) и появлялись на публике с достойным и горделивым видом. Дождь всегда был солидного возраста, своим обликом он подтверждал представление о мудрости и опыте. Это была великая игра. Но она достигала цели, в частности служила для обмана иностранцев.

А что граждане? Филипп де Коммин, посол Фландрии в XV веке, был удивлен, увидев венецианцев, выстроившихся в очередь, чтобы заплатить налоги, в таких количествах, что сборщики налогов не успевали принимать их. Мотивом здесь скорее был страх, чем ревностное исполнение долга. Но и в самом деле город обладал способностью пробудить жар в сердцах своих обитателей. В XIII веке хроникер из Падуи восклицает: «О счастливая коммуна Венеции, счастливый город, где граждане во всех своих проявлениях руководствуются общими интересами, а имя Венеции хранят в сердцах как Божественное!»

Здесь был престол мудрости. Дворец дождей был почти наравне с дворцом Соломона. Здесь было обиталище правосудия. В центральной части фасада Дворца дождей находились два богато украшенных балкона, на которых дождь появлялся перед народом. Над одним из них вздымалась аллегорическая статуя Правосудия с мечом в одной руке и весами в другой, над вторым – фигура Венеции.

Здесь был оплот учености и свободы. Город никогда не находился под властью какой-либо империи. Он не признавал владычества ни Запада, ни Востока. Его жители были связаны взаимным договором. В XVII и XVIII веках, когда в этом карнавальном обществе свобода приобрела различные формы в искусстве и театре, и сексе, Венеция стала знаменита во всей Европе. Но в более позднее время свобода базировалась, возможно, на более действенных основаниях.

Город быстро приобретал характерные черты Олимпа. Парадная лестница во Дворце дождей, известная как Лестница гигантов, была увенчана статуями Марса и Нептуна. Венера всегда составляла часть мифа Венеции. Изображения Юпитера и Минервы, Меркурия и Аполлона до сих пор можно увидеть на площади Святого Марка. Великолепные картины, изображающие героев классической мифологии, были созданы в Венеции, а не в Риме, что было бы более естественно. Должно быть, в сердце города можно было разыскать гору Олимп.

К середине XVII века мифическая Венеция сделалась для Англии образцом гармонии и целостности, тем более привлекательным, что страна переживала гражданскую войну и цареубийство. Венеция рассматривалась как образец республиканской добродетели, где аристократы и горожане (по-английски это выглядело как лорды и джентльмены) совместно осуществляли правление. Она также стала примером подражания для интеллектуалов Просвещения, которые видели в ее деятельности подлинное согласие правителей и управляемых. Она послужила источником вдохновения для создателей американской Конституции.

Для человеческой натуры характерно идеализировать и восхвалять, так же, впрочем, как и несправедливо порицать. Повседневный уклад жизни в Венеции не был ни гармоничным, ни свободным. Правительство зачастую было продажным и некомпетентным. Многие относились к этому городу с презрением, тем большим, чем неистовее были его претензии на величие. В XVII веке Венецию изображали пристанищем убийц и содомитов. Она далеко не была свободной, она представляла собой олигархию. Тиранию. Ее символом была камера пыток и Совет десяти (Судебный комитет). Подлинной ее эмблемой была темница. В конце XX века некоторые историки-ревизионисты также подчеркивали алчность и тиранию, свойственные правящему классу, власть которому достается по праву рождения.

Демонстрация триумфализма вызывает ненависть и возмущение. Многие ученые считают венецианскую версию собственной истории показной. Подделкой. Венецианцев, которые держались в стороне от остальной Италии, высмеивали, называя скупцами и рыбаками. Такими же непредсказуемыми, как вода, на которой они живут. То есть обманщиками. Город торговцев порицали за непомерную алчность. В XV веке Козимо де Медичи описывал венецианцев как бесстыдных лжецов. Действительно, правители и послы Венеции были известны всей Европе двуличностью, они настолько чтили свое государство, что могли ради него пойти на самые низкие поступки. Во всех этих утверждениях есть доля истины. Впоследствии Дэвид Герберт Лоуренс в начале XX века описывал Венецию как «противный, обманчивый, скользкий город». Многих приезжих не трогает обаяние города, они открыто называют его показушным, обветшалым и нездоровым.

Трудно понять, насколько сами жители или правители Венеции когда-нибудь были настолько доверчивы, чтобы всерьез принять миф о Венеции. Но этот миф никогда не умирал. В начале XVII века Джованни Приули обращался к Венеции, называя ее земным раем. Двести пятьдесят лет спустя Джон Рёскин, один из многих англичан, очарованных Венецией, описывал ее как «истинный рай городов». Он говорил это в то время, когда Венеция утратила свою власть, свою торговлю и свою независимость. Так что миф продолжается. Венеция остается достойным подражания городом.

Венеция уникальна. В этом нет сомнений. В этом причина ее успеха. Расположение города, безусловно, необычно, оно определяет историю Венеции. Подобно тому, как семечко определяет содержащееся в нем будущее дерево. Союз воды и земли позволил городу выйти за пределы обычной практики европейских государств. Городу пришлось изобрести новый образ жизни. Венеция не принадлежала ни одной из стихий, как не подчинялась ни одной внешней власти. Гете считал, что эти особые обстоятельства города в лагуне обусловили то, что «венецианцы вынуждены были развивать новый вид бытия». Венецианская политическая система невероятной сложности и утонченности, предназначенная удерживать в равновесии и гармонизировать деятельность различных местных советов и судопроизводство, не была похожа ни на одну другую в мире. В бесчисленных письмах путешественников преобладает удивление непохожестью Венеции. Леди Мэри Уортли Монтегю писала в середине XVIII века, что это «великолепный город, совершенно иной, чем все другие, какие доводилось видеть, и образ жизни совершенно новый». В 1838 году Джеймс Фенимор Купер отметил, что оказался «в центре совершенно новой культуры». Неизменное очарование Венеции состоит в том, что она всегда нова и всегда удивительна. Ее каким-то образом всегда обновляют восторг и изумление ее посетителей. Габриэле д'Аннунцио в начале XX века спрашивал: «Видели ли вы какое другое место в мире, подобное Венеции, с ее способностью стимулировать в определенные моменты все силы человека и доводить любое его желание до лихорадочного нетерпения?»

Венецианцы в полной мере осознавали собственную уникальность. Они были уверены в собственном отличии от других. Они полагали, что их город как убежище от варваров родился не иначе как из моря, и в полной мере наслаждались особым статусом, который был им дарован. Они верили в свое особое, причем высшее, предназначение. Если в результате это выливалось в некоторое высокомерие по отношению к другим итальянским городам-государствам – что ж, пусть так. Это придавало венецианцам некое самодовольство, которое, впрочем, не имело явных последствий.

Итак, в восприятии приезжих Венеция обладала фантастическими качествами. Это был известный всему миру город, воплощавший красоту. Он казался утонченным, хрупким, хотя в действительности был очень сильным. Он плыл по воде, словно фата-моргана. Петрарка описывал город как явление «иног мира», возможно, имея в виду двойной образ

мира. Именно такое впечатление Венеция произвела на Рильке, Вагнера и Пруста. Итало Кальвино в «Невидимых городах» (1972) описывает среди прочих фантастический город с мраморными лестницами, спускающимися от дворцов к воде, с бесконечными каналами и мостами, с «колоколами, куполами, балконами, террасами, с садами зеленевших среди серых вод лагуны островов». Кублай-хан спрашивает рассказчика, Марко Поло, видел ли тот когда-либо подобный город. Венецианец отвечает: «Я и не представлял, что может быть подобный город». В этом контексте Итало Кальвино признается, что в «Невидимых городах» каждый раз, описывая город, говорит «что-то о Венеции». Венеция в этом смысле воплощение города в чистом виде.

Город постоянно вызывает ассоциации со сновидениями. Генри Джеймс описывает свое пребывание в Венеции как чудесный сон. «Венеция, – пишет он, – словно Венеция из снов, и удивительно, остается Венецией снов больше, чем городом сколько-нибудь существенной реальности». Тем, кто приезжает в город впервые, он кажется странно знакомым, потому что напоминает пейзажи из снов. Пруст говорит: Венеция «была городом, который, я чувствовал, часто снился мне раньше».

Calli настолько запутаны, что кажется, прохожие внезапно исчезают. Обычная для туристов история – после непостижимой прогулки неожиданно оказаться на том же месте, откуда она началась. И это видится сном, который подавляет, который запутывает тебя в лабиринте, сном пугающим и удивительным. Чарлз Диккенс в «Картинах Италии» (1846) изображает путешествие по Венеции как сновидение: «Я снова спустился в лодку, и сон продолжился». Но к этому сну примешиваются кошмары с намеками на ужас и тьму, за предстающими взору прекрасными картинами скрываются «ужасные подземные каменные мешки». Это нереальный город, потому что у него, судя по всему, нет оснований, как в пейзаже из сновидения.

«Ни один другой город не кажется столь похожим на сон и нереальным» (Уильям Дин Хауэллс)... «ее пейзаж похож на сон» (Джордж Гордон Байрон)... «как в сновидении» (Гуго фон Гофмансталь)... «этот город, как сон» (Райнер Мария Рильке)... «жизнь венецианца похожа на сон» (Бенджамин Дизраэли)... «когда находишься в Венеции, словно видишь сон» (Джон Аддингтон Саймондс)... «похожая на сон, туманная, но великолепная» (Джон Рёскин)... «город моих снов» (Жорж Санд)... «прекрасный сон наяву» (Фрэнсис Троллоп)... «мы все время ходили, как в полусне» (Марк Твен). Возможно, здесь важно, что все эти характеристики датируются XIX и началом XX века. Они часть культуры, в которой внутренняя жизнь впервые сделалась предметом изучения. Как уже бывало, город, бесконечно податливый, меняющийся, смог удовлетворить культурные ожидания нового периода. Он дышал духом века. Зигмунд Фрейд посетил Венецию несколько раз. Он упоминает город в «Толковании сновидений» (1900) как место, где ему приснился один из самых тревожных снов. Сон о военном корабле, плывущем по лагуне.

Вряд ли стоит ставить под сомнение, что Венеция до сих пор обладает странной властью над человеческим воображением. Прогуляться по городу – все равно что оказаться в сбывшейся фантазии. Вода провоцирует воспоминания о прошлом, а долговечный старый кирпич и камень и делают их реальными. Присутствие воды пробуждает бессознательные желания и фантазии. В этой книге уже упоминались нежность и тепло материнской утробы...

Венеция всегда была городом роскоши, а роскошь – это вещи, о которых гредишь.

Самый значительный венецианский текст начала современной истории носит название «Гипнэротомехия Полифила» (1499), или «Любовное бореие во сне Полифила». Это малоизвестное анонимное произведение, смысл которого остается неясным, но оно по большей

части посвящено промежуточному состоянию между иллюзией и реальностью. Здесь есть сны, сны внутри снов, в которых появляется ряд причудливых архитектурных образов. В этом отношении книга – совершенно венецианская по духу.

Глава 10

Тюрьма

В четвертой песни «Паломничества Чайльд Гарольда», говоря о Венеции, Байрон неточен:

В Венеции на Ponte dei Sospiri¹,
Где супротив Дворца стоит тюрьма²...

Поэт либо не знал, либо забыл, что в самом Дворце дождей тоже существовала тюрьма. Американского путешественника Джеймса Адамса в 1760 году привела в замешательство и испугала атмосфера города. «Ради Бога, давайте приведем дела в порядок, – писал он, – и уедем из этой отвратительной тюрьмы».

Файнс Моррисон писал, что «венецианские женщины сидят дома взаперти, как в тюрьме». Чарлз Диккенс, плывя по каналам Венеции, думал о темницах и представлял сцены ужасной ночи, «каморку, куда в полночь приходил монах исповедовать политического преступника; скамью, на которой его душили; зловещий склеп, в котором его завязывали в мешок...» В XIX веке Венеция наводила ужас. Самая известная авантюра любимого сына Венеции, Джакомо Казановы, – побег из городской тюрьмы, в которую он был посажен. От запаха помоев, выливаемых в каналы, и запаха трюмной воды в самом городе часто воняло тюрьмой.

В Венеции находятся несколько самых известных тюрем мира. Мост вздохов, названный так из-за рыданий тех, кого должны были заключить в тюрьму, – самый живописный из всех символов наказания. Название он получил в XIX веке в большой мере благодаря Байрону. В конце XVIII века Уильям Бекфорд, плывя в гондоле под этим мостом, вспоминал Пиранези, художника, родившегося в республике Венеции, бессмертную славу которому принесли вызывающие головокружение мрачные изображения порожденных его фантазией тюрем. Несмотря на огромный успех и признание в Риме, Пиранези любил подписываться *architetto Veneziano* (венецианский архитектор). Из своей гондолы Бекфорд посмотрел вверх, на самую высокую часть тюрьмы и, схватив карандаш, «принялся рисовать бездны и подземные пещеры, обитель страха и пыток, с цепями, механизмами и ужасными орудиями пытки...» Вот образы, которые навеяла ему Светлейшая.

Судебный комитет вызывал в городе ужас и ненависть. Он был создан в 1310 году в результате политического заговора группы патрициев и вскоре стал неотъемлемой частью государственной структуры. В XV–XVI веках он обладал властью, равной власти Сената. Он занимался предотвращением угроз беспорядков и беззакония в пределах республики, и потому его полномочия были весьма широки. Комитет представлял собой внутренние полицейские силы, небольшие и маневренные. Его члены встречались тайно каждый день. Они носили черные мантии и были известны как черные инквизиторы. Комитет использовал тайных агентов и сеть анонимных осведомителей во всех частях города. Комитет не разрешал свидетельствовать обвиняемому, а его свидетели не могли подвергаться перекрестному допросу. Допросы обвиняемого по большей части проводились в темноте, а из комнаты трех глав Комитета лестница вела в подземную тюрьму и камеры пыток. Вердикты Комитета не допускали обжалования. Приговоры: изгнание или смерть через удушение или утопление

¹ Мост вздохов.

² Перевод В. Левика.

– приводились в исполнение без промедления. Это был, по словам Руссо, «кровавый суд, в равной степени ужасный для аристократов и для народа». Несомненно, в высказывании Руссо есть преувеличение, так же как и в других, авторам которых нравится лелеять миф о Венеции как темном и порочном городе, но нет сомнения, что репутация Комитета была одним из важнейших элементов для понимания венецианской политики. Он символизировал тайную жизнь города.

Тюрьмы в полном смысле этого слова представляли собой часть подлинного и метафорического мира венецианцев. Записная книжка купца XIV века содержит список всех тюрем города. Пользовавшиеся печальной славой тюрьмы в Венеции на деле были частью Дворца дождей. Закон гласил, что дож лично должен хранить ключи, в этом крылся намек на то, что тюрьмы поддерживают законность и власть в государстве. Тюрьмы располагались на обоих берегах Рио делла Палья, которая течет позади Дворца; камеры на уровне нижнего этажа были известны как «колодцы», по причине того, что в них часто набиралась вода, а те, что находились на верхнем этаже, назывались «свинцовые» из-за пластин свинца, которыми была покрыта крыша. Некоторые из одиночных темниц имели названия, такие как «Лев» или «Вулкан». Считалось, что зловонные стены вредны для здоровья до такой степени, что лучше быть заживо погребенным.

Но, как и в большинстве аспектов венецианской жизни, здесь было много фантазии и мифотворчества. Предполагаемые ужасы венецианских тюрем могли быть связаны с их близостью к воде, могли истолковываться как часть мира, кроющегося за ритуалом и маскарадом. То же самое можно отнести к любому аспекту венецианской жизни. Какие страшные пытки и пороки могли скрываться в прекрасном городе?

Что спрятано? Ответ может быть – ничего. Когда французские войска вторглись в Венецию и в 1797 году победили ее, в «колодцах» нашли всего одного заключенного. Он пробыл в заточении шестнадцать лет. Выйдя на площадь Святого Марка при ярком солнечном свете, несчастный тут же ослеп и вскоре умер.

Казанова, сидевший в «свинцовых», через решетки своей камеры увидел крыс устрашающего размера, беспечно разгуливающих по чердаку. Когда он спросил тюремщика о мерзавцах, которые сидят по соседству с ним, тот ответил, что, напротив, это уважаемые люди, которые по причинам, известным только властям, «должны были быть изолированы от общества». Это только подчеркнуло для него «ужасный деспотизм», объектом которого стал и он сам. Казанова бежал, проделав лаз на крышу подобием штыка, который изготовил из куска металла. Его рассказ о заключении в тюрьму и побеге – одна из главных историй всей Венеции.

Принято считать, что Казанова умер в Богемии 4 июня 1798 года, однако существует неофициальная история, согласно которой он тайно вернулся в Венецию после Французской революции и жил там инкогнито. Говорят к тому же, что он совершал некие некромантические ритуалы, чтобы гарантировать себе бессмертие. Некоторые полагают, что он продолжает жить в своем нетленном теле, другие считают, что он возрождается в каждом венецианском младенце. На самом деле, он *Genius loci* (Дух, или Гений места). И он никуда не исчезал.

Образ тюрьмы часто используется, чтобы вызвать в воображении настроение Венеции, ее фон. Как евреи в своем гетто, граждане города в некотором смысле тоже заключенные, они окружены водой, как если бы были узниками Алькатраса (тюрьмы на острове в заливе Сан-Франциско). Никто из граждан Венеции не мог покинуть ее без официального разрешения. Вот почему в городе было относительно мало преступлений, ведь там, где все следят за всеми, негде спрятаться.

Путь на материк легко перекрыть. Венецианцы вдобавок находились под пристальным полицейским присмотром. В XIV веке здесь на одного полицейского приходилось двести пятьдесят граждан, при том, что законы были ужесточены Советом десяти и *signori di notte*

(ночными блюстителями порядка). Здесь были также начальники стражи и *sbirri* (полицейские ищейки). Рассказывали, что *sbirri* поступали с преступниками следующим образом: набрасывали на них свои плащи и затем, закутав, вели в тюрьму. Молчание и тайна как нельзя лучше соответствовали распространенному образу города. Они согласовывались с принудительно введенными законами и постоянным наблюдением.

В Венеции редко можно (или можно было) найти уединение. Люди сбивались в толпу. Члены маленьких общин каждого прихода были кровно связаны между собой. Частное пространство было невелико. Личные интересы подчинялись общественным нуждам, человек включался в общину, а частная жизнь не считалась важной. Все это может вызывать сильнейшее чувство клаустрофобии. Люди не могут убежать друг от друга, не говоря о том, чтобы уехать с островов, на которых вынуждены оставаться.

Глава 11

Тайны

Тень, которую отбрасывает тюрьма, порождает тайны. Там, где частная жизнь осознается как роскошь, хранение тайн приобретает всеобъемлющий характер. Город масок непременно должен быть и городом тайн. Жители города, несмотря на внешнюю общительность, известны скрытностью. Они не приглашают к себе домой случайных знакомых. На портретах венецианцы, как правило, хранят непроницаемый вид, здесь изображена скорее их должность, а не личность, действительный темперамент или особенности характера остаются тайной. Они непроницаемы. Об одном доже говорили: «Никто не знает, что он любит или ненавидит». Некий публичный лектор из другой части Италии не сумел втянуть своих слушателей, молодых венецианских аристократов, в какую бы то ни было политическую дискуссию. «Когда я их спрашивал, – пишет он, – что люди думают, что говорят и чего ждут от того или иного движения в Италии, все они отвечали в один голос, что ничего об этом не знают». Было это молчание выражением страха или недоверия? Кто же станет дискутировать в городе, откуда человека могут изгнать на основании лишь подозрений? Завоевав в 1797 году Венецию, Наполеон захотел изучить только что завоеванных людей. Его интересовало, в частности, каковы убеждения и предубеждения венецианцев. Местные авторы исследования не смогли просветить Наполеона в этом, поскольку, по их словам, ответы на такие вопросы недопустимы. Ни один другой город так не заставляет молчать своих обитателей. Действительно, бывали времена, когда любая оплошность могла дорого обойтись. Когда два стеклодува, владевшие секретами своего ремесла, бежали в 1745 году в столицы иностранных государств, Сенат распорядился отравить их.

Отмечалось, что на Риа́льто банкиры и торговцы, как правило, разговаривали приглушенными голосами. Управление городом происходило тайно. Мы можем представить это как таинственность на восточный манер: с тайными встречами, тайными выплатами, тайными аудиенциями, тайными решениями и тайными смертями. Когда новых аристократов знакомили с практикой правления, их клятва верности включала обещание «веры и молчания». Это весьма характерно для Венеции. Одна из аллегорических картин во Дворце дожей – «Молчаливость». На базилике Святого Марка есть странная каменная фигура – старик на костылях, приложивший палец к губам. Говорят, что Венеция была тайной олигархией, она не только хранила свои тайны, но природа ее собственной идентичности тоже была тайной.

Клятва Совета десяти звучала так: *Jura, perjura secretum prodere noli* (Клянись, давай зарок, храни тайну). В анналах правительства есть страницы, где можно найти слова *non scribatur* (не записывать). Некоторые венецианские хроники были сожжены. Архивы правительства были засекречены, дож не имел права просматривать их без сопровождения чиновника. Хранителем архива был человек, не умевший ни читать, ни писать. В тексте XVIII века «Китайский шпион» утверждается: «Молчание – символ этого правительства, все кругом тайна, и все покрыто таинственностью. Политическая деятельность скрыта за тяжелой завесой тьмы. В Венеции тех, кто говорит, погребают заживо в свинцовом гробу».

Историк XVII века свидетельствует, что «любые послы могут позавидовать венецианцам в умении превратить все свои действия в секретные с целью заговора. Они обсуждают каждое слово и действие и на их основании делают серьезные предположения и касающиеся государства выводы». Ни один венецианский чиновник не смел разговаривать с иностранным дипломатом под страхом смерти или пожизненного заключения. Оперные ложы были снабжены крохотными «гостиными», дипломатам следовало посещать какой-либо из оперных театров хотя бы для того, чтобы узнавать тайны, которые в противном случае были бы

от них скрыты. Парадоксальным образом секретность только способствовала подозрениям и заговорам. Венеция слыла городом заговоров.

В 1511 году на заседании Сената произошла резкая перепалка, которую Совет десяти счел настолько постыдной, что о ней нельзя было упоминать, и от участников этого заседания потребовали клятву хранить тайну. По поводу множества предложений и споров, ставших известными Сенату, участникам заседания тоже приходилось давать обет молчания. Некоторых сановников заключали в тюрьму или отправляли в изгнание, чтобы те не могли ничего рассказать. Тайна была необходима для общего блага. Сенат целый месяц обсуждал, заключать ли в тюрьму некоего венецианского адмирала за некомпетентность и должностное преступление, при этом до адмирала не дошло ни слова из обсуждений до момента ареста. Друзья, страстно выступавшие в защиту адмирала, не предупредили его. Когда в Венецию стали просачиваться слухи о тяжелом военном поражении, Совет десяти отказывался обсуждать этот вопрос и сажал в тюрьму любого, кого подозревали в распространении слухов.

В конце XVIII века произошел казус с «венецианской тайной». Эта тайна преследовала сэра Джошуа Рейнолдса до могилы. Тайна касается теплой текстуры венецианской живописи. Как художники создавали золотистый, сияющий тон? Рейнолдс в поисках разгадки даже соскоблил немного краски с холста Тициана. Некая женщина, Энн Провис, заявила, что знает эту тайну, что она содержится в копии утраченного текста, посвященного методам и практике великих венецианских живописцев. Энн Провис обещала показать текст, но только в обмен на наличные деньги. Разумеется, это было мошенничество. Джеймс Гиллрей создал по этому поводу карикатуру под названием «Возрожденный Тициан, или Семь мудрецов советуются с новым венецианским оракулом».

Венеция была хорошо известна как город тайн, молчания и секретности. Генри Джеймс описывает ее как город «бесконечно странных тайн», а в «Женском портрете» (1881), действие которого частично происходит в Венеции, ощущается почти нестерпимое напряжение от слов, которые так и не были произнесены. Подобная атмосфера в высшей степени подходила венецианскому духу интриги. Казанова говорил о венецианских соотечественниках: «Их самая известная черта – делать тайну из ничего». В прошлом венецианцы делали тайну из правительства или из любви, теперь они счастливы создавать тайну ради тайны. Для таинственности были созданы гондолы с их маленькими кабинами со ставнями или черными драпировками. Венецианский писатель Джованни Мария Меммо писал в 1563 году, что в домах Венеции «следовало бы иметь потайные двери, через которые можно было бы входить и выходить незамеченным».

Венеция до сих пор не лишена таинственности. В городе идет тайная жизнь, которую не видят тысячи туристов, занявших все публичное пространство. Вот почему здесь так трудно найти хороший ресторан – венецианцы придерживают их для себя.

Водная стихия усиливает чувство одиночества и тайны. Каналы превращают улицы в далекие и незнакомые.

Тайна сопутствует и тревоге, и стыду. Те, кто хранит секреты, могут скрывать и свою истинную натуру. Таинственность ведет к утаиванию и притворству. Считалось, что венецианцы никогда не обсуждают истинных мотивов собственных действий в событиях мирового значения.

Секретность имеет отношение и к власти. От изреченного слова можно отречься. В нем можно усомниться или опровергнуть его. Так что самым мощным остается произнесенное.

Тайный город приобретает вид лабиринта. Эта путаница вызывает беспокойство и даже страх у неосмотрительного путешественника. Она придает элемент интриги самому

незамысловатому пешему маршруту. Венеция – город тупиков и кружных улочек, здесь есть кривые *calli*, неожиданные повороты, низкие арочные проходы и пустые внутренние дворики, над которыми, как туман, висит тишина. Узкие дворы кончаются выходом к воде. Местные жители легко находят дорогу, но чужой может заблудиться. И вдруг во внезапном озарении ты находишь то, что искал, – маленькую церковь, дом, ресторан; они появляются перед тобой неожиданно. Так город преподносит подарок. Потом ты можешь не найти этого места – никогда. Кафка должен был понять Венецию.

Лабиринт – идея древняя. Это составная часть земной магии, которая, по словам специалистов, предназначена для того, чтобы помешать злым духам. Китайцы верили, что демоны способны передвигаться только по прямой. Считалось также, что в центре лабиринта находятся мертвецы. Неудивительно, что лабиринты сохраняют власть над человеческим воображением. Лабиринт из классического мифа – место, где юному и невинному существу грозит опасность и, может быть, смерть. Истинный секрет венецианского лабиринта в том, что ты не можешь увидеть или понять его в целом виде. Находясь в его границах, ты осознаешь его власть. У тебя нет возможности увидеть его должным образом снаружи. Получается, что ты заперт в путанице кривых улочек и каналов, и только так можешь понять самобытность города.

Схема нумерации домов трудна для понимания, в каждом *sestiere* номера начинаются с единицы и змеятся по улицам. Номера доходят до тысячи без ссылки на улицу или площадь.

Во всяком случае, названия, закрепленные за улицами, оказываются другими, чем названия на картах города. Реальность Венеции не имеет отношения к путеводителям и картам. Самое короткое расстояние между двумя точками здесь никогда не бывает прямой линией. Так паутина Венеции создает тайну.

Город пробуждает знакомые с детства ощущения игры и забавы, чуда и ужаса. Здесь легко поверить, что тебя преследуют. Шаги отдаются эхом в каменном лабиринте. Внезапно открывшаяся улочка или внутренний двор – неожиданность. Возможно, ты краем глаза заметишь тень или силуэт или увидишь кого-то в дверях. Когда бродишь по Венеции, тебя часто охватывает чувство нереальности, ты словно во сне или, вернее, не во сне, а в реальности другого порядка. Иногда жизнь прошедших времен кажется совсем близкой – рукой подать. Близость прошлого ощущается в узких проходах и тесно сдвинутых стенах. Здесь можно почувствовать естественный, камень за камнем, рост города. Можно ощутить историческое движение развернувшегося перед тобой города. В стихотворении Томаса Стернза Элиота есть фраза о том, что у истории «множество хитрых тропинок, коленчатых коридорчиков, тайных выходов»³. Это о Венеции.

По отвечавшим эхом *calli* новости разносились быстро. Венеция была центром новостей, от Востока до Запада и от Запада до Востока. В начале современной эпохи она была главным каналом новостей в мире. Переписка купцов в XIII веке представляет собой значимый источник информации. Тот, кто первым узнавал новости – о важной сделке или о нехватке какого-либо товара, – получал наибольшую прибыль. Важнее всего была скорость. Дорогам полагалось быть в хорошем состоянии, а кораблям – плыть с высокой скоростью. Венеция была одним из первых городов, организовавших в XIV веке *compagnia dei corrieri* (курьерскую службу). Тем не менее письмо шло из Нюрнберга в Венецию четыре дня.

Новости и предположения лежали в основе половины бизнеса Риальто. Венеция не стала бы центром торговли, если бы не была центром новостей. Они поступали со всех сторон – от конных курьеров, из докладов дипломатов, из писем управляющих. Информация стремительным потоком обрушивалась на рынок. Ставшую известной новость обсуждали.

³ Перевод А. Сергеева.

Существовала гостиница «Золотой корабль», где венецианцы могли встретиться, чтобы «еще раз обсудить свои сведения, один с другим... туда же приходили купцы-иностранцы». Самые первые кофейни были открыты в Венеции именно для обмена информацией. Состоящий из людей город сам может рассматриваться как средство получения и использования информации. Венеция – город, превосходящий все другие, несомненно, превосходила их и в этом отношении.

Венецианцы гонялись за свежими новостями и последними сенсациями. Вчерашние новости в расчет не принимались. Записи в дневниках Марино Санудо в начале XVI века часто предварялись фразой «стало известно, что...» Свежие новости венецианцы слушали, «насторожив уши». Сообщения, известные как *notizie* и *avvisi*, публично читали вслух тем, кто, чтобы услышать последние новости, платил мелкую монетку, называвшуюся *gazzetta*. Неудивительно, что такую жажду новостей некоторые считали заразой или смутой. Сэр Генри Уоттон описывает «страсть к новостям» как «подлинную болезнь этого города». Одни новости оказывались важнее других. В письме от 31 марта 1610 года сэр Генри Уоттон пишет из Венеции об «удивительной новости... которая заполонила все кругом». Это была новость об открытии Галилея.

Один из жителей Венеции считается первым журналистом (если это подходящее слово). Его зовут Пьетро Аретино. Он прибыл в Венецию в 1527 году после изгнания из папского двора в Риме, и следующие двадцать девять лет жизни посвятил публичным выступлениям в Венеции. Он сочинял пьесы, религиозные трактаты, стихотворные подписи к порнографическим рисункам и при этом преуспел в мире еженедельных газет, которые в то время были широко распространены в Венеции.

Один из ранних биографов описывает его как «первого великого авантюриста прессы». Пьетро Аретино преуспевал в искусстве создания собственного имиджа и описывал ежедневные события языком улицы. Он писал пасквилы, или листовки, которые распространялись по всему городу, и он придал новый блеск такой разновидности издания, как *giudizio* (суждение, мнение). Местные новости и срочные известия стали теперь продуктом публичной печати. Аретино писал по заказу. Он превратил новости в товар, действуя как любой другой венецианский купец. Его статьи передавали аромат живущего бурной жизнью города. Аретино расцвел в этом городе, и в благодарность раздражался непомерными восхвалениями в адрес своих хозяев. Поэтому его терпели. По правде говоря, Аретино не смог бы существовать нигде больше.

Один из первых журналистов, Гаспаро Гоцци, издавал в разное время *L'Osservatore Veneto* и *La Gazzetta Veneta*. Последняя, основанная в 1760 году, выходила дважды в неделю, у ее издателя имелось четыре бюро, где принимали новости, а также оформляли подписку. Там публиковались новостные сообщения, реклама, разговоры, подслушанные на площади Святого Марка, обеденные карты, мольбы «одиноких сердец» и т. п. Здесь была вся жизнь Венеции, от истории привратника, который, изрядно выпив, разбился насмерть, выпав из окна, до обменного курса. Это была одна из многих листовок, газет и еженедельных писем с новостями, рассылавшихся по подписке. Многие из них публиковали сообщения о частных скандалах и ссорах, не отказывая себе в передаче слухов и намеков, перепечатывали частные письма, ставя тем самым в трудное положение некоторых известных венецианцев, заботившихся о своем *buona fama* (добром имени).

Газеты были чем-то вроде сатир на определенную тему, распространявшихся на улицах, приметой города, одержимого собственной общественной жизнью. Но одного в них не было. Политические дебаты города проходили незамеченными, без комментариев. Правительство Венеции оставалось замаскированным.

Тем не менее Венеция наполнилась слухами и интригами. Шпионы заполонили город. Шпионили куртизанки. Шпионили гондольеры. Шпионили государственные инквизиторы. Свои шпионы были у Совета десяти. Существовали шпионы за гильдиями, которые сообщали сведения о каждом ремесленнике или рабочем, нарушившем правила ведения дел. Были политические шпионы, собиравшие сведения для разоблачения какого-либо подкупа в процессе выборов или правления. Одни шпионы шпионили за другими, а за ними, в свою очередь, велись слежка и наблюдение. Строгий надзор осуществлялся в доках, которые были воротами для людей и товаров. Неизменным правилом для иностранцев и других заинтересованных сторон было молчание. Пока ты молчал, ты оставался на свободе.

Рассказывают, что как-то Вивальди шел по площади Святого Марка с дрезденским скрипачом Иоганном Пизенделем. Неожиданно он прервал беседу и попросил своего друга немедленно вернуться с ним домой. За закрытыми дверями Вивальди велел Пизенделю оставаться в доме, пока он не выяснит, какое преступление тот совершил – если совершил – против могущества Венеции. Оказалось, что кто-то принял скрипача за другого человека. Но страх остался. Его порождало само чувство, что за тобой следят.

Один из секретарей Совета десяти был экспертом по расшифровке кодов и шифров. В каждом иностранном посольстве или землячестве имелся один (или более) постоянно живущий там шпион. Подворья для иностранных купцов, наподобие Фондако деи Тедески для торговцев из Германии, были битком набиты шпионами, венецианские весовщики и маклеры в подобных местах, как было известно, полуофициально работали на государство.

Одна из гранд-дам, Элизабетта Дзено, держала салон, который посещали сенаторы. За ширмой прятались двое слуг, которые ради грядущей выгоды хозяйки салона записывали все, что там говорилось. Узнав о заговоре, венецианцы отстранили сенаторов от любой публичной деятельности. А Элизабетту Дзено сослали в Каподистрию.

Предполагалось, что каждый венецианец на чужой стороне должен был принять на себя роль шпиона, это расценивалось как гражданский долг. Венецианские прелаты, будучи в Риме, как ожидалось, должны были визнавать секреты папских анклавов. Венецианские купцы, совершавшие поездки в другие страны или другие города, оказывались особенно полезны, ведь они могли использовать в качестве кода язык торговцев. На выдуманном языке рынка турки, к примеру, могли обозначаться как «неходовой товар», а артиллерия как «зеркала».

Шпионство в Венеции было и работой, и развлечением. Жители города всегда наблюдали и до сих пор наблюдают за согражданами. Строения пребывали в таком состоянии, что наблюдение можно было вести сквозь трещины в стенах и щели в полу. Дома власть имущих тоже не были свободны от этого. Однажды трое молодых людей сумели проникнуть через потолок Сената в зал и услышать выступление посла, только что вернувшегося от двора Османской империи. По всему городу действовало множество различных доносчиков-профессионалов и доносчиков-любителей. Для этого существовали побудительные причины: обвинители получали награду, если выяснялось, что их сведения верны, а их имена на благородный венецианский манер оставались в тайне. Венецианцы придумали особую форму разоблачения, известную как *denuncia*, *denontia segreta* (секретный донос). И сейчас венецианцы, если считают нужным, доносят друг на друга. В небольшом городе унижение – самое страшное наказание. Иногда правительству достаточно «перечислить и пристыдить» виновных.

Разумеется, разрушая личную привязанность людей друг к другу, городское руководство процветало. При этом обычай разоблачения можно рассматривать как некое противоречивое или искаженное выражение гражданской свободы и гражданской принадлежности. Воплощением его служили *bocca di leone* (львиная пасть), которые можно было обнаружить в самых разных частях города. Пасть на отвратительной гротескной морде была почтовым

ящиком для доносов на любого венецианца. Обвинитель должен был подписать донос, присовокупив подписи двух свидетелей, ручавшихся за его (или ее) доброе имя; сведения могли относиться к чему угодно – от расточительности до распущенности нравов. Анонимные обвинения должны были сжигать, но если они были связаны с безопасностью государства, их могли принимать к сведению. Львиные пасти были, разумеется, еще одним венецианским изобретением. Это была пасть города, вместительное отверстие для слухов и сплетен, свидетельствующее о том, что здесь царит атмосфера надзора, даже в самых укромных уголках. Имелись пасти, предназначенные для обличения тех, кто мошенничал с налогами или подделывал продукты. Жена могла донести на мужа, сын на отца. Эта же практика распространялась на венецианские владения. В некоторых венецианских загородных домах на материке существовала *bocca delle denoncie segrete* (пасть для секретных доносов), куда осведомители могли положить донос на кого-либо из работающих в поместье.

Сплетни и скандалы способствовали разжиганию страстей в Венеции. Город представлял собой сеть маленьких кварталов, каждый из которых напоминал деревеньку, но так как эти «деревеньки» располагались на острове, атмосфера слухов сгущалась. Фраза «Вся Венеция узнает» была расхожей. Казанова жаловался, что стал «предметом пересудов в городе». Слухи распространялись необычайно быстро, настолько быстро, что уличные мальчишки знали имя следующего дождя, прежде чем оно было официально объявлено. Здесь все знали, «о чем говорят в городе». Невестка одной из венецианских возлюбленных Байрона, по словам поэта, «рассказала об этом половине Венеции, а слуги... другой половине». Слухи разносились тысячью языков, и, как сказал некий венецианский аристократ, «каждый говорит, что хочет, кому-то ночью приснится сон, и утром он всем его рассказывает». Слухи были испражнениями Венеции. Если хорошо удобрить ими почву, может вырасти что угодно. Уильям Дин Хауэллс в «Жизни в Венеции» (1866) замечает: «Вообразите убожество сплетни у камина, добавленное к злобной ловкости, уму и проницательности одаренного повесы, и вы получите некоторое представление о венецианском скандале». Венецианские сплетни касались любой мелочи. Такие разговоры иногда называли *ciaccole* (пересудами), и само слово, кажется, подчеркивало ничтожность предмета обсуждения.

Жертвы, разумеется, бывали очень оскорблены. Множество народных венецианских песен повествует о бедах, причиненных злыми слухами и «лживыми языками». Некоторые из жертв склонялись к тому, чтобы просить Божественного заступничества. К примеру, некий венецианец, чтобы избежать «злых толков», собирался пожертвовать картину «Мадонна в экстазе», если его жена родит в положенное время. Когда государственный секретарь Пьетро Антонио Гратароль понял, что осмеян в одной из пьес Карло Гоцци, то попытался запретить ее или подвергнуть цензуре, но безуспешно. Тогда он бежал в Падую без разрешения венецианских властей и был в конце концов заочно приговорен к смерти. Но и самое страшное наказание не перевешивало страха перед сплетнями и насмешками. Гратароль не мог вынести злорадных пересудов.

Сплетни принимались как свидетельство в суде. Они не оглашались в зале заседаний и, как правило, считались прерогативой женщин и слуг. Но продавцов фруктов, уличных торговцев и гондольеров тоже вызывали в суд, они давали показания на основании того, что видели или слышали. Свидетельства показывают, что «весь двор был там» или что «если один это сказал, то и все говорят». Самые интимные тайны брака были известны всей общине, которая не отказывалась встать на сторону того или другого из супругов в любом супружеском конфликте. Для соседей в подобных ситуациях было совершенно естественным войти в дом или толпиться в дверях. Венецианская идея «общего блага» обретала здесь наглядность.

Комедии Карло Гольдони дают прекрасное изображение необычной социальной жизни. Люди приходят в дом, оттуда переходят в другой. Двери и окна постоянно открыты. Таверны и лавочки находятся рядом, поэтому разговор, начавшийся в гостинной, без помехи может быть продолжен в гостинице. *campo* или *campielo* (уменьшительное от *campo*) представляют собой одно большое домашнее пространство. Забавно, что в Венеции общественные дела сохранялись в строжайшей тайне, в то время как частные дела практически сразу становились известны публике. В этом смысле сплетни могли в какой-то мере служить компенсацией.

Соседи и домочадцы приходили в суд, чтобы свидетельствовать под присягой. Считалось, что их свидетельства станут общественным достоянием. Поэтому люди следили друг за другом днем и ночью. Они изучали друг друга. Это облегчалось тем, что все знали друг друга в лицо. В опере, как правило, все бинокли были направлены в зрительный зал, а не на сцену. Хотя в каком-то смысле сидящих в зале тоже можно считать участниками спектакля. Венецианцы до сих пор отличаются пристрастием к сплетням. Чужих людей в привычной обстановке непременно замечают и, если нужно, сообщают о них в полицию. Телефонные линии здесь без конца заняты.

Глава 12

Хроники

Венеция была консервативным обществом. Она чтит традиции. Она благоговела перед властью. Город всегда пребывал в поисках своих исторических начал, следовательно, почитал начала. Он преклонялся перед прошлым. Уважение к обычаям касалось всех уровней и всех аспектов венецианской культуры. Обычай выражал унаследованную волю и инстинкт народа. Обычай был воплощением общины. Существовала стереотипная фраза, сопровождавшая принятие установлений: новый закон следует «самым старинным обычаям» города. Других обоснований не требовалось. Это была некая разновидность успокоивания. К тому же считалось, что обычай выше закона. Опыт в Венеции всегда был важнее теории. В этом городе никогда не случалось революций.

В социальной жизни людей господствовал обычай. Проявить невнимательность к костюму при посещении церкви или при приеме гостей означало подвергнуться критике. Среди всех страхов венецианцев самым большим была боязнь публичного бесчестья. Именно поэтому венецианцы часто бывали чрезмерны в публичной щедрости и при этом скромны до нищеты в собственном доме.

Художники Венеции использовали узкий иконографический диапазон. Архитектура города известна традиционализмом. Вид домов, больших и маленьких, оставался неизменным в течение веков. Если дома разрушались, их строили снова на том же месте по тем же принципам и из тех же материалов, остатки старого здания использовались при постройке нового. Основания их всегда можно было использовать заново, окаменевшее дерево не гниет и не горит.

В предписаниях строителям содержится неизменное требование – построить это здание заново в соответствии с его первоначальными размерами, не делая стену выше, чем существовавшая ранее, реконструировать дом там, где он стоял прежде. Возможно, это была боязнь текучести, изменчивости – боязнь воды. Казанова говорил, что аристократы Венеции трепещут при одной мысли о нововведениях. Сама власть это консервативная сила. Венецианский историк XVI века Паоло Парута отмечал, что государства сохраняются благодаря продолжению традиций, на которых были основаны. Изменения пагубны.

Даже в сфере коммерческой деятельности, в чем город был наиболее опытен, существовала явная антипатия к переменам. Часто говорилось, что венецианцы изобрели искусство двойной бухгалтерии, на самом деле эта техника была придумана в Генуе. Генуэзцы первыми стали чеканить золотые монеты, первыми ввели договоры страхования и изготовили первые морские карты, Венеция, как правило, отставала лет на пятьдесят или больше. Она заимствовала у других. Она не создавала *ab novo*. Она боялась нововведений, не верила им. Только военная интервенция Наполеона положила конец системе, просуществовавшей пять столетий без значительных перемен. До 1797 года Венеция была единственным примером средневекового города-государства. Ведь она была островом.

Венецианцы были помешаны на своей истории. Они составили самый большой корпус хроник в итальянском мире. С XIV века накопилось более тысячи подобных текстов. Дневники Марино Санудо, излагающие в подробностях самые незначительные или скучные события конца XV и начала XVI века, занимают пятьдесят восемь томов *in folio*. В них рассказывается, в частности, как в возрасте восьми лет он составлял список картин во Дворце дождей. Он, подобно другим хронистам, был захвачен жизнью города – его законами, церемониями, торговлей, обычаями, договорами – и полагал, что все это чрезвычайно важно и интересно. Возможно, это узкий взгляд, но он понятен. Устами Санудо говорит Дух дворца. Он мог истинно быть собой, действуя как медиум Венеции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.